

Александр Быков
Ольга Кузьмина

**Дружина
сестрицы
Алёнушки**

Александр Быков
Дружина сестрицы Алёнушки

«Автор»

2025

Быков А. В.

Дружина сестрицы Алёнушки / А. В. Быков — «Автор», 2025

Кто из нас не мечтал оказаться в сказке? Но так ли уж предсказуем и безопасен сказочный мир? Студентка Алёна случайно попавшая в сказочно-былинную Русь, оказывается в самом центре политических интриг Черномора, Кощея, Морского Царя и киевского князя. Хорошо, что всегда можно положиться на помощь друзей с богатырской заставы, изобретательность Змея Горыныча и мудрость Бабы Яги.

© Быков А. В., 2025

© Автор, 2025

Александр Быков

Дружина сестрицы Алёнушки

Глава 1

Там чудеса, там леший бродит,

Русалка на ветвях сидит.

А.С. Пушкин

Когда собираешь что-нибудь интересное, мало обращаешь внимания на происходящее вокруг. А шишки были очень хорошие, просто замечательные, и попадались одна за другой. Вот Алена и не заметила, как очутилась в глухой непролазной чаще. Внезапно со всех сторон надвинулся бурелом, над головой нависли сухие сосновые ветки. Где-то наверху ухнул филин.

– Елки-палки... – Алена села на замшелый ствол поваленного дерева и огляделась. – Да у меня талант, оказывается. Так заблудиться – это уметь надо!

Ветер качнул макушки деревьев, и ей прямо под ноги упала еще одна шишка.

– А ведь шла в лес за ягодами, – вздохнула Алена. – Где они, эти ягоды? Ни одной не нашла. Стыдно в деревню возвращаться, соседи засмеют.

Она нагнулась и подняла шишку – гладкую, всю пропитанную душистой смолой, блестящую, словно елочная игрушка. Положила в корзинку, где уже лежало восемь таких же. Над головой опять заухал филин. Сзади послышался слабый шорох, словно кто-то дышал, спрятавшись за кустом. Алена испуганно оглянулась.

– Кто здесь? Ау-у! Лю-уди!!!

– Ди...ди... – откликнулось эхо.

У девушки по коже побежали мурашки.

– Пошла Алёнушка в лес и заблудилась... Бред какой-то. В нашем лесу даже трехлетки не заблудятся. Так, спокойно, рассуждаем логически, как в институте учили. В паре километров от трассы такой чащи просто быть не может... – она еще раз оглянулась, – но она есть. И какой из этого вывод?

Гигантские сосны, непролазные завалы из сухих ветвей и вывороченных с корнем деревьев. Кусты папоротника почти в рост человека, паутина, натянутая всюду между деревьев... Лес казался заповедником, в который уже лет сто не заглядывал даже лесник. Воздух был удивительно свежий, сладкий, как родниковая вода, напоенный запахами смолы и листьев. Так бы и сидела на месте, и дышала – носом, ртом, взахлеб.

Вот только не было в ее с детства знакомом-перезнакомом лесу такой чащи, и уж тем более не могло быть такого воздуха рядом с шоссе. За спиной Алены снова таинственно зашуршало. Она испуганно поежилась, вскочила и двинулась напрямик, через бурелом, перелезая через поваленные деревья, то и дело смахивая с лица паутину. Направлялась она в ту сторону, где лес, как ей казалось, был пореже. Уже минут через пять корзинка начала ощутимо оттягивать руку.

– Это не шишки, а кирпичи какие-то.

Алена глянула в корзинку и даже споткнулась от неожиданности. В лесном полумраке шишки еле заметно светились теплым желтым светом. Алена ошеломленно огляделась – вокруг была все та же непролазная чаща с таинственными шорохами, но, странное дело, страха она уже не внушала. Лес казался большим и добрым существом. И он ей... радовался.

Слабый ветерок зашуршал где-то вверху, и ели приветственно закачали ветвями. Алена заулыбалась в ответ и обняла стоявшее поблизости дерево.

– О господи, всю жизнь мечтала попасть в волшебный мир! Интересно, здесь эльфы водятся?

От полноты чувств Алена запрыгала, закружилась. И тут же зацепилась носком кроссовка за выползший из земли корень. Корзинка с шишками перевесила, и Алена шлепнулась прямо на подвернувшуюся замшелую корягу. Коряга жалобно скрипнула.

– Вот блин! – девушка потеряла расцарапанную коленку и с досадой потрянула корзинку. Шишки запрыгали, засверкали. – Тащить тяжело, бросить жалко. А ладно, кого встречу первым, тому и подарю эту радость.

Алена поднялась и огляделась – уже не испуганно, а с азартом игрока. И увидела впереди тропинку – неширокую, еле заметную.

– Ага!

Нетерпеливо убыстряя шаг, она устремила вперед. На ветке, разбив замшелую тишину леса, зачирикала что-то веселое маленькая желтогрудая птичка.

– Хе... Первому, значить, кого встретит, подарит, – прокряхтела коряга, распрямляясь. Лесовик повел плечами, стряхнул труху со лба, потер корявые, мозолистые руки, издали похожие на засохшие древесные корни. – Ну-ну... Меня она первого и встретит, никуда не денется. Эх, трым-пым пым, дыдым пым пым! – пустился он было вприсядку, но застыл на половине движения. – Охо-хо. Шишечка такая не помешала бы. Да хоть чешуечка. А то совсем поясница замучила. Как Бабка огрела меня кочергой, так и ноет, и ноет... А кого же девице, кроме меня, встретить в моем-то лесу... Щас мы тропиночку завернем. Ох, корешочки-веточки заплетем. Ай, чистая душа, голова дурная, вольная. Везет же таким завсегда. Находят, глазастые.

И леший заковылял по чаще, удивительно быстро перемещаясь по, казалось бы, непролазному бурелому.

"Ино слово подарю, – озабоченно думал он. – Бабка, вот тоже, кочергой подарила. Как подарила с размаху, да в поясницу! Зря я ей коней-то пугал... Что, если и эта, молодая, тоже так подарит – шишечкой в лоб? Испугается вида моего буреломного".

Леший разглядел впереди белую косынку девушки, засуетился испуганно, хрустнул нечаянно веткой и замер, прикинувшись корягой.

"Похоже, кто-то следом идет, – Алена покрепче сжала ручку корзинки. Ей было разом и страшно, и весело. – Побежать? А вдруг он тут же бросится вдогонку? Мало ли кто это. А может, и нет никого? От чего в лесу может ветка хрустнуть?"

Леший тревожно следил за Аленой.

"Вот как заступлю девице дорогу, а она ка-ак даст по мне шишечкой! Ох, полетят клочки по закоулочкам... Лучше встать на пути пенечком неприметненьким. Таким добрым, незаметненьким. Может она на пенечек-то и сядет. Может, заговорит, может и одарит шишечкой. Вот придумал, голова! Ай, молодец!"

И леший устремился в лесную чащу – обгонять девушку, на ходу прихорашиваясь, на свой, лешацкий манер, приговаривая что-то складное про свое дремучее хитроумие.

Алена и правда замедлила шаг, проходя мимо торчащей возле тропинки коряги. Оглядела ее со всех сторон.

"Надо же, как живая. Чуть-чуть в паре мест подпилить, подтесать, и в самый раз – портрет лешего на выставку".

Алена протянула к коряге руку, но тут же отдернула, явственно ощутив на себе взгляд деревянных глаз. По коже побежали толпы мурашек. Алена отступила назад на тропинку и побежала туда, где между деревьями уже виднелась опушка.

– Эх, ушла, тудыть ее! И ведь сам виноват, мне бы скрипнуть, мол – «исполать тебе, красна девица» – Так нет. Все слова человеческие позабыл с перепугу. Ох, дурак, Буба, дурак! Упустил. Теперь подарит она шишки какому-нибудь злодею! Кто ей там первый встретится?

И леший торопливо засеменял следом за девушкой.

Тропинка кончилась, а вместе с ней кончился и лес. Дальше начинался пляж – длинный, насколько хватает глаз. А за пляжем – огромное, бескрайнее море. Лазурное, все в маленьких барашках волн до самого горизонта. У Алены перехватило дыхание. Пенные валы катились один за другим на песчаный берег, прохладный морской ветер качал еловые ветки на лесной опушке. Внезапно накатила слабость, и девушка прислонилась к стволу дерева.

"Все, шутки кончились. Моря-то в наших краях отродясь не было. Даже до водохранилища на автобусе два часа ехать. Стало быть, я и вправду оказалась в каком-то другом... мире, месте? И что мне теперь делать?"

Алена оглянулась на лес и поежилась – ощущение чьего-то взгляда не пропадало. Она решительно отряхнула от мусора джинсовый сарафан и побежала к морю. Почему-то Алена была уверена, что тот, который смотрит из лесу, побоится подходить к ней у воды. Алена добежала до линии прибоя, хотела направо повернуть, но потом передумала, и повернула налево. Сняла кроссовки, положила их в корзинку прямо на шишки и дальше пошла босиком. Волны были прохладные, а песок уже теплый. Солнце стояло в зените, от морского ветра было вовсе не холодно.

– Хи-хи, – послышалось из пены.

Алена насторожилась. "Чайка что ли?"

И тут ее ноги накрыла особенно большая волна. Да поднялась не до щиколоток, а повыше, до середины лодыжек. И словно кто-то схватил холодными пальцами за ногу. Не сильно так схватил, и не поволок никуда, просто провел холодком по верх щиколотки. И тут же отпустил, откатившись с уходящей пенной волной. Алена даже не успела понять – то ли ей было страшно, то ли приятно. Но, на всякий случай, отошла от прибоя подальше. И тут же почувствовала, что из леса на нее по-прежнему смотрят.

– Ш-ш-ш... Шиш-шшечки... – зашипела у нее перед ногами очередная волна.

– Дай, дай, дай! – покрикнули вьющиеся над берегом чайки.

– Даи-ий, – скрипнуло чем-то из-за стоящих стеной елей.

Алена села на песок и задумалась. «Все говорящие. Странно, почему меня уже ничего не удивляет? И все таким родным кажется? Как будто домой вернулась...»

Она расстегнула верхнюю пуговицу рубашки, сняла косынку и утерла выступившие на лбу капельки пота. Заново переплела растрепавшуюся косу и встала. Ее неумная натура уже требовала активных действий.

– Дай, дай! – вдруг прокричала прямо над ухом подлетевшая совсем близко чайка.

– Ш-шшиш-шечки, – вздохнул, качнув еловыми ветками, лес.

– Да забирайте, мне не жалко! – Алена вынула кроссовки и одним махом высыпала шишки прямо на пляж, где-то посередине между стеной леса и полосой прибоя. – Правда я обещала подарить их первому встречному, а вас тут много... Ну ладно, сами поделите.

Порыв ветра едва не сбил Алену с ног. Волны взметнулись.

«Кажется, я что-то не то натворила!»

Алена отступила от берега, потом отбежала подальше, подталкиваемая упругим ветром. Но даже сквозь скрип елей и шипение накатывающихся валов она отчетливо услышала:

– Мне, мое!

– Нет мое!

– Отдай!

– Я ее попросил! Я первый спросил!

– Моего леса шишечки! Она там их нашла!

Оглянувшись, Алена увидела, как кто-то непонятный, отдаленно напоминающий давешнюю корягу, бежит из леса к тому месту, где на песке поблескивали шишки. Вот он уже добежал, но накатившая на берег волна накрыла и шишки, и ноги лесного существа. Алена оста-

новились, не зная, как поступить. Драк она не любила, но вмешиваться и разнимать непонятно кого, было страшновато.

«Сама же отдала, да еще сказала – делите... Вот они и делят».

Лесовик бултыхался в пене неестественно высокого прибора, что-то быстро и опасливо выхватывая из воды, словно горячие угольки из костра.

– Мне...

– Мое...

– Ш-шишечки...

Убедившись, что соперники не причиняют друг другу особого вреда, Алена немного успокоилась.

"Опять я поторопилась. Надо было себе парочку шишек оставить. А теперь не отбирать же обратно... Да и не отдадут, вон как дерутся. Только зачем нужны шишки лесному? Ведь у него их полный лес, только собирай".

Алена заколебалась, ей одновременно хотелось продолжить путь и задержаться, чтобы познакомиться. Девушка привстала на цыпочки и огляделась. Вдалеке виднелось что-то особенное. Лес отступал от морского берега, и там, на образовавшейся опушке, стоял высокий забор из вертикально вкопанных в землю бревен, заостренных наверху.

«Это я что же, в древнюю Русь попала?»

Разом забыв о странных существах, Алена побежала к частоколу. Из-за него выглядела высокая двускатная крыша, покрытая тесом. Виден был только второй этаж с маленькими окошками в узорчатых наличниках. Ставни были закрыты.

– Кто-кто в теремочке живет? – Алена подошла вплотную к частоколу. Он был высокий – почти в два ее роста.

На стороне, обращенной к лесу, обнаружили большие двухстворчатые ворота, и рядом маленькая, в рост человека, калитка. От ворот, прямо в лес, широкой просекой уходила дорога. Отчетливо были видны отпечатки огромных, неподкованных лошадиных копыт. Алена постучалась в калитку. Изнутри в ответ кто-то заливисто залаял. Она подождала немного и постучалась еще раз. В ответ опять послышался лай с переходом в рычанье.

– Понятно, хозяева в отлучке.

Ей вдруг нестерпимо захотелось посмотреть, что же там внутри. Опираясь о висящее вместо ручки железное кольцо и воротные петли, вполне можно было забраться наверх. Алена завязала косынку, очистила ступни от налипшего песка и обулась. Словно почуяв преступные намерения, изнутри сурово зарычали, переходя временами на истеричный лай. Алена кинула, в сердцах, через забор корзинку. За стеной испуганно взвизгнули и замолчали.

– Надо же, – огорчилась Алена. – Неужели я в него попала? Ну ничего, зато теперь сидеть будет смирно, – и она снова подступилась к калитке.

– Не ходи к ним, красна девица, – проскрипело у нее за спиной.

Алена подскочила от неожиданности и резко обернулась. Напротив калитки, у самой опушки леса стояла насквозь промокшая и взъерошенная коряга.

– Ты кто?

– Да я это, я... лешак, – коряга отвесила что-то вроде поклона. – Исполать тебе, красна девица. Вот, надясь не поздоровался.

Лешак говорил дуплом-ртом, заросшим моховой бородой. Впрочем, если присмотреться, рот у него начинал казаться вполне нормальным. И борода тоже человеческая, только очень похожая на мох. Да и сам он походил на корягу, только когда стоял неподвижно. А так – вполне милый старичок, просто в одежке из древесной коры и с кожей древесного, местами заплесневелого цвета.

– Здравствуй, дедушка, – неумело поклонилась Алена.

– Ты к ним не ходи, красна девица, – продолжал лешак. – Злые они.

– А кто они?

– Да богатыри эти всякие... Живут тут которые. Они лесных жителей обижают... А тебя, стало быть, за шишки, спаси Род. Ты иди со мной, красна девица. Накормлю, напою... эта... Да, спать-то тебе в лесу будет не любо... Ну так мы к Бабушке пойдем. Она добрая, ты не гляди, что хромая. Все тебе покажет, расскажет. Да и спать уложит. Ты только вещей ейных не трожь, – и он, охнув, потер поясницу. – Не трожь вещей ейных, да зверей не пугай. Да поклониться ей не забудь. Поклонись и скажи – здравствуй, Бабушка.

– Это какая же бабушка?

– Как какая? Ягая наша бабушка. Всему заповедному лесу начальница. Да и не только лесу. Ну, это долгий рассказ. Пойдем-ка лучше отсюда, нечего тут ошиваться! А то эти, спаси Род, из леса вернуться... Они ить, совсем дикие. Глянь, какую срамотищу через весь лес протоптали, – леший махнул рукой на широкую просеку и в сердцах сплюнул. – В лес ходят, слышь-ка, на охоту. Какая такая охота – зверей по лесу пугать? Их не только Ведмедь, Соловей-разбойник и тот боится. Кому охота связываться с такими дикими? Как увидят кого, сразу стрелами стреляют, хватают, да в мешок... Силушки богатырской немеряно, а ума-то Род не дал. У собаки ихней и то ума больше.

– Да чем же они тебя, дедушка, так обидели? – Алена, присев на корточки, слушала, приоткрыв рот и округлив от восторга глаза.

– Как это чем?! А давеча что учудили, лиходеи? Морские богатыри в гости к ним наладились. Меду да зелена вина они напились-накушались, да как пошли в лес – гулять, песни орать. Ох, до сих пор в ушах свербит. Дубов да елочек наломали несчитано. Куды ж девать-то, с дуру, силу богатырскую? И не одни гуляли. Русалок морских с собой притащили, изверги. Русалкам воды надобно, а они зеленым вином их пьют. А потом петь стали, в пляс пошли. И давай русалок-то кидать, подбрасывать. Шесть раз подбросят, ан пять раз поймают. А на шестой, хоть за ветки цепляйся, чтоб не разбиться. Им что, злодеям? Нагулялись, и пошли в терем свой почивать. А русалок, каких морские богатыри с собой в море забрали, а каких и забыли. Целый день уже они на деревьях висят, плачут. Росой, да дождевой водой, болезные, питаются. А слезть не могут. Ног-то нету – хвост один. Как с таким хвостом с дерева слезешь? А и мне каково? Русалки морские чуть не на каждом дереве! Срамотища!

– Так ты бы помог им, дедушка. Они и сами рады будут в море вернуться.

– Ну да, – закивал старичок. – Сами-то они рады, да не могут. А вот кто бы их снял...

– Да сам и сними! Что тут сложного?

– Я?! – всполошился старичок. – Да они же морские, а я-то лесной! Стихия, туды ей в дупло. Мне и прикасаться-то к ним грех. Уж и без того я нынче весь промок! Как же я еще и русалок-то... А? – от возмущения он мотал во все стороны сучковатыми руками и шевелил рыжей с проседью, моховой бородой.

– Подожди, но ведь богатыри русалок как-то в лес привели. И ничего с ними не случилось. Почему бы и тебе...

Леший не дал Алене договорить.

– Богатыри – им что. Силушка их дурная, богатырская. Им любая беда, как с гуся вода, вот и творят что хотят. Я – другое дело. Сегодня русалку за хвост потрогаю, а завтра у меня вместо вьюнка водросля какая вокруг деревьев расти начнет?.. Тьфу! Неподобно мне даже подходить к ним близко. Их и птички, и все зверушки лесные боятся. Ведь может она, русалка, и добрая, а может акула какая. Сожрет – и имени не спросит. Только издали подходим все, слушаем, как они поют – жа-алистно, – и леший утер наворачнувшуюся на глаз слезу.

– Да что же это такое?! Жалко тебе их?

– Ой, жалко, милая. Жалко...

– А помочь не можешь?

– Ой, не могу... Как им, болезным помочь-то?

– Да хоть лестницу какую-нибудь им к дереву приставь, или там бревно, чтоб они спуститься смогли.

– И то верно! – обрадовался леший. – Им бы только с дерев слезть безбоязненно. А там уж сами до моря как-нибудь доберутся.

Он наморщил лоб.

– Бревнышки? По пологому? Бревнышек-то этих богатыри наломали в лесу не считано. Это я мигом, с ведмедями. Мы же... – леший, спохватившись, земно поклонился. – Спасибо тебе за науку, красна девица. Ох, как сами-то мы не дотумкали? По бревнышкам, да по пологому... Одно бревнышко подставим, чтоб скатилась по пологому, а другим-то и спихнем ее, болезную, чтоб не противилась... Как звать-то тебя, красна девица, дорогая наша советчица?

Алена даже растерялась от столь вольной трактовки ее совета, но спорить с дедушкой было неудобно. Она только вздохнула.

– Аленой звать.

– Попомню, Аленушка, я твою доброту, – и леший резво развернулся, собираясь уже бежать, очищать лес от "срамотищи". – Коли что надо будет тебе, так только кликни...

– А как звать-то тебя, дедушка? Кого мне кликать?

Леший остановился, как вкопанный.

– Ох, а разве я не говорил тебе?... Буба меня зовут.

– Буба? – удивилась Алена.

– А что тут странного? – обиделся леший.

– Да ничего... Не пойму только, откуда такое... интересное имя?

Леший самодовольно хмыкнул.

– А вот, послушай, – он встал неподвижно, словно опять превратился в корягу. Только руки заходили ходуном. Одна рука хлопнет по макушке коряги, и разнесется по лесу глухой звук – "бу". А другая ударит по древесному животу, и разнесется по лесу звонкое – "ба". Так он и перебирал, с отрешенной улыбкой эти звуки, похожие то ли на уханье филина ночью, то ли на скрип качаемой ветром сосны. Потом замолк. Алена кусала пальцы, чтобы не рассмеяться и не обидеть это милейшее существо.

– Ну как? Нравится?

Алена широко улыбнулась.

– Ничего подобного раньше не слышала.

– Это потому, что никто другой, ни в каком лесу больше так не умеет. Я один могу это "бу" и "ба". Потому и имя тако... – он вдруг прервался на полуслове и весь сжался в комочек – Едут! Ой, беги, красна девица. Беги-прячься скорее в лесу. Они же дикие. Как увидят кого, сразу хватъ, и в мешок. А то еще из лука стрельнут...

Послышался стук копыт, и Буба замер, совершенно преобразившись в корягу. Бежать Алене не хотелось. Ей не верилось, что русские сказочные богатыри такие страшные, какими их расписывал бедный леший. Но, на всякий случай, она спряталась за ближайшим деревом. А коряга, в которую превратился Буба, уже куда-то исчезла. Видно леший не рискнул предстать перед богатырями даже в таком неприметном виде.

Глава 2

Взять тебя мы все бы рады,

Да нельзя, так бога ради,

Помири нас как-нибудь:

Одному женою будь...

А.С. Пушкин

Три огромных, косматых коня с седоками появились из леса и замерли как вкопанные перед воротами. Медленно оседала дорожная пыль. На солнце сверкали начищенные шеломы, кольчужные брони и прочие блестящие части богатырской справы. Кони настороженно фыркали, а богатыри внимательно поглядывали вокруг.

– А что, Алешенька, – сочным басом спросил седобородый, самый грузный и широкоплечий из богатырей, поведя по сторонам косматыми бровями. – Не говорил ли ты какой из своих пав, как добраться до нашей заставы?

– Да что ты, Ильюшенька. Я ж себе не враг, – ухмыльнулся безусый еще, стройный молодец.

– Али ты, Добрынюшка, опять жениться вдруг надумал?

– Чур меня! Разве пьян сильно был, так и то бы не стал, – повел плечами черноглазый красавец в самом расцвете лет.

– От убейте меня, братцы, а чую здесь женский дух, – проворчал Илья, приглаживая широкую бороду.

Тщательно прокашлявшись и подбоченясь, он еще раз огляделся вокруг и заговорил нараспев:

– Коль ты старый человек – дядей будешь нам навек, коли парень ты румяный, братец будешь нам названный. Коль старушка – будь нам мать, так и станем величать. А коль красная девица... так того, этого, – сбился Илья. – Короче, выходи по-хорошему, а там поглядим.

Заканчивая свою тираду, он уже глядел прямо на дерево, за которым пряталась Алена. Как ей показалось, вид у богатырей был вовсе не дикий, а очень даже приветливый. Девушка поправила одежду и вышла из-за дерева. Богатыри соскочили с коней и уставились на нее во все глаза.

– Не из местных, – вполголоса заметил Добрыня.

– Угу, – кивнул Алеша, – И обувка у нее чудная какая-то. И сарафан-то крою не русского... Эх, да кабы наши девки так одевались! – и он мечтательно причмокнул.

Алена невольно посмотрела на свои неприкрытые коротким сарафаном исцарапанные коленки и покраснела.

– Как звать-величать тебя, красна девица? – спросил Илья, отвешивая земной поклон.

– Аленушкой звать, – она поклонилась в ответ.

Илья просто расплылся в улыбке, широкой, как у Деда Мороза. Да и весь он был похож на Деда Мороза, обряженного по ошибке в кольчугу и шлем. Только борода поменьше. И в глазах чудилась какая-то неуловимая разница. Словно и рад бы он все время одаривать, да прощать, а приходится все как-то иначе...

– Я, старый козак Илья Муромец. Это Добрыня Никитич, – повел рукой Илья.

Добрыня отвесил поклон, не спуская с Алены внимательного, изучающего взгляда.

– А это вот, – старый казак повернулся в другую сторону, – Алеша Попович.

Алеша, склоняясь в поклоне, лукаво подмигнул. Такая небывалая отчаянность переливалась в синих глазах этого русоволосого парня, что захватывало дух.

– Просим в наш дом погостить, красна девица, – пригласил Добрыня. И, оглядев внимательно калитку, продолжил. – Ведь ты, я вижу, и так уж туда пробиралась?

– Полно тебе девицу в краску вгонять, – одернул его Илья.

Алеша, потянув за неприметный рычажок, приоткрыл калитку, изнутри распахнул ворота, и богатыри ввели во двор коней. К седлу Ильи Муромца был приторочен довольно внушительный, шевелящийся и похрюкивающий тюк.

– А что это у вас в мешке? – поспешила спросить Алена, незаметно подбирая свое лукошко. Появившийся из конуры пес опасно оглядывал ее, словно размышляя, рычать или нет.

– Не тронь ее, Полкан, – похлопал пса по холке Алеша. – Вон, стереги лучше добычу Илья.

– Да, пусть отдохнет пускай Соловушка. А потом мы ему зуб выбивать будем. Свистящий. Чтоб грабежом больше на дорогах не баловал, – и Илья грустно вздохнул, то ли огорчаясь, что придется выбивать Соловью зуб, то ли досадуя, что такое важное и полезное дело приходится откладывать на потом.

– А сейчас дорогую нашу гостью надо накормить, напоить. Да и самим с дороги не мешало бы...

Алеша остался во дворе расседлывать коней. Добрыня учтиво пропустил Алену вперед, и они вошли в дом. Богатыри тут же сняли свое снаряжение и любовно разложили в красном углу. Алена огляделась. В горнице было, мягко говоря, не прибрано. И дух стоял... богатырский. Пахло плесенью, перегаром и кислой капустой.

– Да... – досадливо поморщился Добрыня и стал растворять окна.

Илья деловито смахнул со стола остатки позавчерашней, а может быть и более давней трапезы, сделав пол еще на самую малость грязнее.

– Негоже нам гостью в таком свиарнике встречать.

Только что вошедший Алеша страдальчески вздохнул и начал медленно, словно готовясь к страшной казни, засучивать рукава.

Понаблюдав с полминуты за тем, как Алеша, краснея, пыхтя от натуги и шепотом чертыхаясь, подметает пол, Алена не утерпела.

– Дай-ка веничек. Вон, подвиньте стол лучше. Под столом тоже подметать иногда надо.

Алеша с Добрыней, радостно крикнув, подхватили, как пушинку, дубовый стол и перенесли его в угол комнаты. Под столом обнаружились залежи еще прошлогодней грязи.

Через пару минут умильно улыбавшийся, глядя на уборку, старый козак Илья Муромец был отправлен выносить мусор. Потом Добрыня с Алешей водрузили стол на место и стали перетаскивать скамьи... Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Но в конце концов Алена сочла, что навела достаточный порядок в горнице и можно обедать. Более углубленную уборку она, вздохнув, отложила на потом, а про другие комнаты богатырского терема решила пока что не думать.

Богатыри, тем временем, собравшись в уголке, в пол-голоса переговаривались о чем-то, часто поглядывая на нее.

– Вот, – Алена отряхнула подол сарафана. – В чистоте и поесть по-человечески можно. Вам помочь еду приготовить?

– Что ты, что ты, красна девица, – замахал руками Илья. – Ничего нам готовить не надо. И так уж упарились.

– Но как же...

– А вот как, – Добрыня ловким движением раскинул на столе белую, удивительно чистую скатерть. – Развернись!

Хлопок, словно кто-то резко ударил в ладоши. Пахнуло озоном, а затем сытным духом, и на скатерти появились четыре миски с горячими щами, еще четыре – с мясной пшенной кашей, хлеб, пироги, корчага с квасом и такая же – с пивом.

– Ох, до чего скотинка умная! – похлопал по скатерти Добрыня. – Ведь почувяла, что четверо нас.

– А зелена вина подать забыла. Умная, тоже мне, – пробурчал Алеша.

– Отчего же, пожалуй, умная. Позавчера подала она зелена вина, – нахмурился Илья. – На нас, да на тридцать три гостя. Да дядька ихний, Черномор, заморского пойла бочонок при-ташил. И что, спрашивается, было?

Алеша густо покраснел. Добрыня, потупив взор, хмыкнул.

– Да ладно, чего теперь-то... Я ж говорю, умная.

– Ну, – продолжил Илья, – прошу гостью дорогую за стол. Чем богаты, тем и рады. Утолив голод, Алена уже не могла сдерживать своего любопытства.

– Это вам, выходит, ничего себе готовить не надо? Все скатерть-самобранка доставляет?

– Если бы, – Добрыня утер усы. – Когда в походе – приходится охотой пробавляться. А дома, да, лепота.

– А почему с собой не берете?

– Потому, – вздохнул Илья, – что Добрынюшка наш спер скатерку у Бабы-яги. Нет бы выиграть – в зернь или в шашки. Возили бы тогда скатерть с собой, ничего не боялись. А так – держи ее теперь дома. Насчет дома-то, слава Роду, у нас с Ягой уговор.

– Да я хоть с Царем Морским в шашки играть сяду! – вскипел Добрыня. – Но с Ягой – ни за что. Она же насквозь все ходы твои и хитрости видит!

– А ты хоть раз по-честному играть пробовал? По-честному-то оно завсегда... – назидательно взмахнул ложкой Илья.

Алеша чуть не захлебнулся пивом от смеха. Прокашлявшись, посмотрел на Илью удивленно.

– В зернь с Ягой по-честному? Да она же удачливей Добрыни в тыщу раз! По-честному, так это три года, а то и все десять служить ей надо за какую-то скатерку самобранную. На такую кабалу разве что Иван-дурак согласится, но никак не наш Добрыня.

– А что за договор у вас с Ягой? – вмешалась Алена.

– Договор? – переспросил Илья. – Да простой уговор. Нигде не писанный, но словом моим крепкий. Она в наш дом не вступается, а мы – в ее.

– Да я же не из дома у ней скатерку-то... В сарае валялась, – хитро улыбнулся Добрыня. – И не нужна ей вовсе самобранка. У нее, у Яги-то, говорят, полон дом слуг невидимых.

Так, за милой беседой, они и уговорили все, что было на столе. Илья и Добрыня утерли бороды рукавами. Алеша вытер руки и промокнул губы извлеченным из поясной сумки шелковым платочком. Богатыри дружно встали из-за стола. Следом за ними Алена. Добрыня, постукав по скатерти указательным пальцем, скомандовал:

– Свернись, – снова пахнуло озоном и свежим ветром, и весь столовый прибор исчез. Скатерть прынула в глаза первозданной накрахмаленной белизной, и сама сложилась в аккуратный сверток под руку Добрыни.

– Ну вот, Алёнушка, дорогая наша гостьюшка, накормили мы тебя, напоили. А теперь... – Добрыня запнулся и глянул на Илью.

Илья нахмурил брови, но потом решительно резанул воздух рукой.

– Что уж там, того этого... Как увидели тебя, так и... За себя скажу: коли люб я тебе, то будь мне женой. А не люб, то будь мне как доченька.

Добрыня рассерженно зыркнул на Илью Муромца.

– Ну, коли за себя теперь обычай пошел говорить, то и я скажу за себя. Будь мне женою, Алёнушка. Люба ты мне статью своей девичьей, да красой, да умом-разумом, да очами своими ясными, – и Добрыня, не спуская с нее глаз, отвесил земной поклон. – Ну а нет, – голос его чуть заметно дрогнул, – то будь мне, как родная сестра.

– Да что ж это выходит, я хуже всех? – вскинулся Алеша. – Ты уж и меня, Алёнушка, выслушай. Люба ты мне, и весь сказ. Будь мне женой, – и он, потряхнув русым чубом, в свою очередь отвесил Алёне поклон.

– Да вы что?! – девушка как стояла, так и села обратно на скамью. – Вы же меня первый раз видите!

Красавицей себя Алена никогда не считала, даже слегка расстраивалась из-за своей немодной внешности. Невысокая, худенькая, с веснушками. Даже коса отрастала неровно и цвет у волос был какой-то невнятный. В институте у Алены были друзья среди парней, но особо она ни с кем не встречалась.

– Вы что, издеваетесь? – у Алены от обиды задрожали губы.

Добрыня закашлялся. Илья, пробубнил себе под нос:

– Говорил я им... Изобидели девку, – и смущенно потупился.

Только Алеша, безмятежно улыбаясь, смотрел на нее ясным романтическим взглядом.

– Ты, красна девица, не обижайся на нас, – пожевав ус, изрек Добрыня. – Тут в лесу все по-простому. Что на уме, то сразу и скажем, чтоб зазря не томиться. А коли никто из нас не люб тебе, так и скажи. Чай мы не басурмане какие-нибудь. Насильничать не будем.

– Да как же это... Так сразу, – забормотала Алена, совсем растерявшись.

– А мы тебя не торопим, – улыбнулся Добрыня.

– Ты сама подумай, да реши-выбери, который из нас тебе люб, – подхватил Алеша, лукаво ей подмигнув.

Алена облегченно вздохнула.

– А как решишь, так и свадебку сыграем, – продолжил вновь повеселевший Илья.

– Свадебку? Здесь? – девушка затравленно оглянулась, и тут ее осенило, – Но вы же в стольный Киев-град ехать собираетесь.

– Собираемся? – Илья, с удивлением оглянулся на своих товарищей. Добрыня самоуглубленно молчал, видимо вспоминая, собирались они или нет.

– А на кой? – простодушно спросил Алеша. – Или вы что, – он смерил подозрительным взглядом богатырей, – без меня туда собрались?

– Да это же всем известно, – совсем растерялась Алена. – Раз Илья Муромец поймал Соловья-разбойника, то отвезти его должен в стольный Киев-град, Владимиру, Красну Солнышку.

– Соловья? – засомневался Илья. – Владимиру? Чего возить-то, я прямо тут ему свистящий зуб выблюю и всех дел.

– Нет, постой, Илья. Князю отвезти разбойника – дело правильное. Раз он князь, то пусть сам и судит, – поддержал вдруг Алену Добрыня.

– Знаем мы этот княжий суд. Захочет, голову велит Соловью снести, а захочет, может и отпустить просто так, – проворчал Илья.

– Но тебя-то князь точно за службу наградит, – вмешался Алеша. – И вообще, давно мы что-то в Киеве не были.

– Да... Киев... Давно... – закивали Добрыня с Ильей.

– А там и свадебку сыграть можно, коли Алена надумает, – продолжил Алеша Попович.

Девушка облегченно вздохнула. «Пока еще из этой глуши мы до Киева доберемся. Заодно и посмотрю тут все... Это ж надо, действительно в сказку попала. Ну все, все как в сказке, только по-настоящему».

Богатыри тем временем растопили баньку, попарились. Приглашали и Алену, но она, естественно, пошла только после них. Потом, румяные, да причесанные, в нарядных, красно вышитых рубахах уселись за стол вокруг квасного жбана. И беседа потекла неторопливой рекой. Обсуждали подробности поездки в стольный Киев-град.

– Что же мы Аленушку так и повезем в этом... – Добрыня запнулся, подбирая слова поделикатнее – иноземном наряде?

– А чего? Вполне себе наряд, – одобрительно улыбнулся Алеша.

Вслед за ним и Добрыня заглянул под стол на голые ноги Алены. Она покраснела и попыталась натянуть подол на колени.

– Негоже, – вздохнул Илья. – Она ж, Аленушка наша... Своя она. Не какое-нить там чудо басурманское. Как же мы к князю ее подведем в неподобной одежде?

– Выходит, надо подобрать ей штаны да рубаху, – почесал бородку Добрыня. – Ить платья справного, женского, у нас туточки нет. Да и верхом в таком платье не разъездишься.

– И коня для Алёнушки надо добыть, – Илья хлопнул ладонью по столу. – Да не простого, а как у нас, богатырского.

– Да зачем мне конь, еще и богатырский? – попробовала возразить девушка. – Я и ездить-то толком не умею. Мне пешком сподручнее.

– Коли с богатырями поедешь, так и конь тебе нужен такой, как у нас, – отрезал Добрыня. – У Бабы Яги в табуне кобылки умные, послушные. На прошлой неделе я смотрел, как они к водопою ходят. Силы в тех кобылках не меньше, чем в наших кониках. Только... я их добывать не пойду. А то превратит меня Яга в какую-нито лягушку. Боюсь, за самобранку она сердчает еще на меня.

– Да, Алеша, – подхватил Илья. – Иди-ка ты. Несподручно мне, старому, коней по лесу ловить. А ты парень лихой, не испугаешься, – старый козак похлопал юношу по спине, и любые возражения у Алеши просто в горле застряли.

Провожать Алешу вышли из терема всей гурьбой. Алеша вскочил, прямо с земли, на своего рыжего коня, Илья с Добрыней растворили ему ворота.

– Тропинки, где лошадки бродят, ты знаешь, – напутствовал его Добрыня. – Ловить их сподручнее у водопою. Ты уж выследи, куда они на водопой ходят.

– А ежели Яге попадешься, так не перечь ей ни в чем. Добром попроси лошадку, может и даст. Тут уж смотря какой стороной характер ее повернется, – «утешил» Илья.

– Но лучше не рискуй. Сам знаешь, доброй она бывает не часто.

И только проводив Алешу за ворота и вернувшись во двор, Илья обратил внимание, что брошенный у крыльца мешок лежит подозрительно тихо. Богатырь метнулся к нему, развязал, вытряс. На землю упали сапог и веревка.

– Опять сбежал? – посочувствовал Добрыня.

– Да что же это... Ах он!.. – замахал руками Илья. – А ты куда смотрел? Чего молчал?! – напустился он на стоявшего тут же Полкана. Но пес только смотрел на Илью удивленно, на всякий случай виляя хвостом.

– Который уже раз зуб ты ему выбить грозишься? Да все никак...

– Див с ним, с зубом! Страху натерпелся Соловушка в мешке, будет теперь пару месяцев тихо сидеть. Но кого я теперь Владимиру повезу, а? С голыми руками неудобно являться к князю.

– Да ладно тебе, Илья, сокрушаться, – беспечно махнул рукой Добрыня. – Русь большая. Поймаем кого-нибудь по дороге.

К вечеру Алеша не вернулся. Богатыри забеспокоились. Ужинали в напряженном молчании. Пару раз Илья охал:

– Надо было мне самому идти! Эх, послал молодого, да задиристого. Каждый такого обидеть может.

– Ну нет, молодому лошадей красть сподручнее. Да ты и украсть бы не смог, пошел бы к Яге добром просить. А она, сам знаешь... Когда добрая, а когда и справедливая. Надо было мне... И на кой нам скатерть самобранка? Кабы я ее незаметно стащил, а то ведь заметила меня Яга...

В таком настроении богатыри и разбрелись спать по лавкам. Алёна устроилась ночевать наверху, в светлице. Меха, шкуры, шелка заморские и прочую рухлядь, что хранилась там раньше, богатыри загодя снесли в горницу или распахали по углам, чтобы Алёна смогла нормально устроиться на ночлег.

Пока освобождали светлицу, Добрыня все вздыхал да тревожно поглядывал из окон на лес, за которым уже скрылось закатное солнце. Только Алёне, почему-то, совсем не было страшно за Алешу. Ведь в былинах и сказках богатыри всегда выходили целыми и невреди-

мыми из любой передряги. Она была просто уверена, что утром Алеша вернется, тряхнет своей русой шевелюрой, улыбнется и скажет: "Вот тебе, Алёнушка, лошадь".

Наутро Алеша не вернулся. Позавтракав на скорую руку, богатыри направились в лес. Алена увязалась за ними. Илья долго ворчал, но потом посадил ее на коня впереди себя. Ехали рысью. Сперва по торной просеке, ведущей сквозь Заповедный лес, потом свернули на неприметную тропинку. Добрыня умудрялся на скаку примечать следы Алешиного коня. Через час выехали на тропу с отчетливыми следами кобылиц Бабы-Яги. Следы Алешиного коня шли в ту же сторону. Еще полчаса езды шагом, и они оказались на берегу небольшого озера.

Озеро было круглое, в ширину метров сто. Прозрачное, словно не из воды, а из горного хрусталя. За стеной деревьев на юге угадывалось близкое море. Из озера к морю тек ручей.

Алена спрыгнула наземь. Богатыри тоже спешили. Озеро окружал со всех сторон лес. Лишь со стороны ручейка к нему примыкала небольшая лужайка. На лужайке паслись две лошади. Оседланный конь Алешы, и совершенно дикая на вид кобылица, черная, как смоль, стреноженная и взнузданная веревкой. Самого Алешы видно не было.

– Да что ж это он! – вспылал Добрыня. – Совсем умом тронулся? Поймал Бабкину лошадь, и зафитилился куда-то? Даже следов не замел, шалопай. В полдень и в полночь они на водопой ходят... Не смотри на меня так, Илья. Я и сам к лошадам этим примерялся. Да только зачем они мне? Разве из вредности у Яги украсть?.. Значит, с полуденными он разминулся. А к полуночи сделал засаду. Своего жеребца использовал, как приманку. Молодец, парень, хорошую взял добычу, – Добрыня любовно похлопал стреноженную лошадку по крупу.

– Сие все понятно, – кивнул Илья. – Но дальше-то что было? Никаких следов, кроме Алешиных и конских, я не вижу. Отчего же он все позабыл и бросил? Уж не беда ли с ним стряслась? Может в озеро его какая нечисть утащила?

– Никакой злой силы в таком чистом озерце водиться не может. Да никто из лесных или там болотных с Алешей и не справится. Почти полдня уже, как он лошадку поймал. Табун к Яге вернулся. Ну, как она их пересчитает?! – схватился за голову Добрыня. – В любой момент может сюда нагрянуть на ступе... Ой, Алешка! Где же ты пропадаешь?

– Алеша! Ау-у – зычно закричал Муромец, сложив руки рупором.

– Попович! Откликнись, дурья твоя башка!

И богатыри двинулись в лес, высматривая следы и окликавая потерявшегося товарища. Алена осталась одна на поляне. Громкие голоса эхом разносились по лесу, все больше в него углубляясь.

"Уж если они не докричатся, то я и подавно," – вздохнула девушка. И тут ее осенило.

– Буба!.. Бу-уба-а! – позвала она тихонько. Потом еще раз.

Голоса богатырей звучали уже где-то очень далеко в лесу. Вскоре они совсем пропали.

– Кхи-кхи-и-и.

То ли скрип, то ли покашливание послышалось за ее спиной. Алена, вздрогнув, обернулась. Перед ней стоял покрытый мхом старичок.

– Звала меня, красна девица?

– Буба! – обрадовалась она.

– Тс-с! – он испуганно вжал голову в плечи. – Тихо. А то дикие услышат. Вернуться еще, чего доброго. Ох, говорил тебе, девка, не ходи к ним. Они тебя дурному научат.

– Опять ты за свое, – поморщилась Алена. – Скажи лучше, не видал ли ты третьего богатыря, Алешу? Он здесь был, но потом пропал куда-то. Мы его ищем.

– Туточки он, на дереве, пол ночи сидел, лошадок Бабушкиных дождался... Оно конечно, дело хорошее – давно у Бабки лошадок никто не крал, – Буба потер, побряхтывая, поясницу. – Будет теперь знать, как во всех подряд, не разобравшись, кочергами кидаться.

– Ты его видел? Где он теперь, куда пошел? – всполошилась Алена.

– Как не видеть? – замахал руками Буба. – Ить он самый пышный куст на веточки разломал, для етой... ровки... Маки... Раки... Да как ее, едрить туды! – леший почесал затылок.

– Маскировки?

– О! Для нее, ирод, самый раскидистый куст извёл, и веток себе, понимаешь, везде понатыкал... Думал, лошадь така дурна скотина, что за куст его теперь примет. Ну ладно, говорю, ты мне, разбойник, эти веточки вспомнишь! И как стали те лошадки подходить, я ему, болезному, комариков, да всяческой гнус-мошки за шиворот напустил, – лешак радостно потер руки. – А комарики едят-кусаются. А лошадок-то спытать добру молодцу хочется. Сидит, не вздохнет, не колохнется. Ни один комарик не прихлопнется... Да хошь и прихлопнется. У меня комаров энтих – на каждого гостя по три мешка. Терпел-терпел, да не вытерпел ваш Алешенька поеду комариного. Ка-ак закричит страшным голосом, как прыгнет с дерева диким пардусом. Все лошадки с перепугу разбежались. Одна только, та, на которую он сверху плюхнулся, поскользнулась, призамешкалась, в узде-веревочке призапуталась... Вот, – Буба выдохнул. – Так ить и поймал он лошадку. Вон она, пасется... Бабка, небось, как узнает, обрадывается!

Леший радостно сощурился, видимо представляя себе, как «обрадуется» Яга. Но Алена поспешила направить его мысли в нужное русло:

– А сам Алеша где? Куда запропал?

– Сам? – Буба удивленно оглядел поляну, словно только что обнаружил, что Поповича здесь нет.

– А, ну да, – хлопнул он себя по лбу. – Стреножил Алеша лошадку, да и пошел искупаться. А как искупамшись вышел на берег – глядь – ждет его девица краса, улыбается, кланяется ему по писаному, говорит по-ученому... Она, девка эта, все время здесь ошивается. А откуда взялась, чего ей надобно, не хочет рассказывать. Плавает по озеру лебедушкой, жрет, понимаешь, ряску да комариков... И Алешу вашего увела. Точнее сам он чегой-то схватил ее на руки, и понес к морю-окияну. Так что пропал ваш богатырь. С озерной девкой спутался. И так был дурак, а тут и вовсе, наверное, влюбился.

– Влюбился, говоришь? – цепкая рука Добрыни ухватила лешего за оттопыренный воротник из дубовой коры. – А нас с Ильей ты, чего ради, коряга бестолковая, по лесу кружишь?

– Так ить я-и... – проскрипел что-то невнятное Буба.

– Отпусти его, Добрыня. Он ведь и так вас боится, – заступилась за лешего Алена.

– Удерет, – сокрушенно покачал головой Илья. – Пусть расскажет сперва, что за девка, куда она Алешу заманила. Коли скажет – не соврет, так зачем нам его обижать.

– А соврет, так мы его мигом в мешок и...

– Ой, не совру, всю правду скажу добры молодцы-ы. Девка эта – Черномора племянница. Плавает тут в озерце белой лебедушкой, на водицу гладкую любитесь. А раз в год красной девкой перекинется, да и пойдет искать себе добра молодца, – заскрипел-завыл былинным стилем Буба. – А ить тут ей подвернулся ваш Алешенька. Разгорелось его сердце жаркое. Подхватил он ее на ручки белыя, потащил ея к морю синему. Да не знаю я-то больше ничегошеньки, не пихайте меня в мешок-то люди добры-и. Отпустите подобру по-здоровьицу...

– Да отпустите вы его, в самом деле! – вскипела Алена.

– И правда, – пробасил Илья. – Отпусти.

Освободившись от богатырской хватки Буба в два прыжка растворился в лесной чаще. Добрыня вздохнул. Отряхнул ладони от древесной трухи.

– Ладно, Русь большая. Поймаем еще кого-нибудь по дороге.

Глава 3

По плохой дороге далеко не уедешь.

Русская народная пословица

– Значит без толку его дожидаться, – махнул рукой Добрыня.

– Это верно, – вздохнул Илья. – Он когда пару деньков, а когда и целый месяц гуляет.

А потом... – Илья снова вздохнул.

– Что потом? – спросила Алена.

– Потом снова к нам, на заставу богатырскую, – ухмыльнулся в бороду Добрыня. – Я уж думал, решил Алешенька остепениться. Ан нет. Снова он за свое... Что ж, пусть потешится. Дождаться его мы в таком разе не будем. Не дай Род, Яга лошадок хватится, прилетит по следам...

– Алешиного коника заберем, да на заставу сведем, – подытожил Илья. – А лошадку эту – Алене. Ты уж не сердчай на него, красна девица. Молодая кровь, что трава сухая. Быстро вспыхнет да жарко, но того огня ненадолго хватает.

Вернувшись на заставу, собирались недолго. Самобранка выдала им на дорогу хлеба, сыра, мяса копченого, да вина заморского. Добрыня с Ильей облачились в брони богатырские, препоясались мечами. Алена уже с утра была в мужских штанах, рубахе и шапке. Немного великовато, но вполне можно носить. Свои вещи она оставила в светлице, но взяла лукошко, сама точно не представляя зачем. Просто не хотелось его бросать. Лукошко было единственной ее вещью, которая не выглядела чужеродной в этом сказочном мире.

Добрыня взялся снаряжать черную лошадку к походу. Принес из подклети богатую, видать трофейную, конскую справу. Застегнул золоченые пряжки подпруги. Одел на лошадь высокое черкасское седло черной кожи, изукрашенное серебряным узором из переплетенных трав и зверей. Закрепил уздечку из черной кожи с серебряными бляхами. Черная прядала ушами и нетерпеливо перебирала копытами, стесненная и напуганная непривычным для нее нарядом.

Алена с опаской подошла к лошади сбоку, погладила ее морду. Дала кусочек припасенного хлеба. Черная покосилась, фыркнула, но хлеб взяла. Добрыня помог Алене забраться в седло.

– Ты держись крепче, Алёнушка, – принялся наставлять ее Илья. – Я лошадку твою за узду возьму, никуда она и не денется. С нашими конями в скок ударится.

Выехали за частокол. Добрыня запер ворота, калитку, вскочил на коня. Богатыри еще раз проверили, все ли взяли с собой: копыта, луки со стрелами, щиты, булавы и шеломы. Алена зачихала свое лукошко в одну из притороченных к луке седла кожаных сумок.

– Ну, держись, – и Илья легонько ударил своего косматого коня пятками в бока. Лошади дружно рванули с места вскачь, вдоль моря, по пляжу. В глазах замельтешили песок, вода, деревья.

Добрыня с Ильей с двух сторон, оценивающе оглядели мчащуюся между ними Черную с Аленой. Переглянулись.

– Держись, Алёнушка! – и одновременно хлестнули своих лошадей. Илья умудрился одновременно хлестануть ногойкой и Черную и своего Чубатого.

У Алены захватило дух. Начался Богатырский Скок. Тот самый, про который сказано в былинах:

Только и видели,
Как удалы молодцы садились,
Не видали, куда уехали:
Первый скок нашли за три версты,
Другой скок нашли за двенадцать верст,
Третий скок не могли найти.

Одновременно оттолкнувшись от земли, лошади взмыли над берегом и полетели вдоль полосы прибоя по пологой дуге. Достигнув земли, снова оттолкнулись и взмыли уже по-над лесом, перелетев его в узком месте за один скок. Выше леса стоячего, ниже облака ходячего. Потом был еще один скок, и еще. Они летели со скоростью ветра над широким, тянущимся до горизонта полем и вкрапленными в него тут и там лесами и перелесками.

Сперва Алена зажмурилась и прикусила губу, чтобы не закричать от страха. Но потом пообвыклась. Смотрела то на богатырей, то на мелькающие под конскими ногами луга и поля, синие ленты рек и речушек. По ощущениям это было похоже на качели, и, одновременно, на полет на самолете.

Проскакав некоторое время над лесами и перелесками, они помчались над степью. Дорогу на стольный Киев-град указывала тонкая нить шляха. Впрочем, вскоре эта нить оказалась перерезана самым неожиданным образом. Шлях был перепахан, как и все огромное пространство степи внизу. Откуда-то издалека, из-за горизонта, до них донеслась протяжная песня:

– По-оле... Русское по-о-оле!..

– Опять! – скрипнул зубами Добрыня.

– Нехорошо, – поскреб бороду Илья. – Где-то тут должна дорожка поворачивать. Только где, теперь уже неведомо.

– А вот догоним его и спросим, – резанул рукой воздух Добрыня. – Наделал дел, пусть теперь исправляет. А то ишь, разошелся... И ведь каждую весну так!

Богатыри повернули коней туда, откуда неслась протяжная песня. Через несколько прыжков в ушах уже свербило от залихватского подвывания. Вдали показался широкоплечий детина в лаптях и белой холщовой рубахе. Он шел следом за плугом, который тащила соловая лошадка.

Подняв облако пыли, богатыри и Алена приземлились у него на пути. Пахарь прервал песню, остановился и стал их с интересом разглядывать.

– Исполать тебе, Микула Селянинович, – поклонился ему Илья, не слезая с коня.

– И вам исполать, добры молодцы, – пахарь сощурился, протер глаза и опять поклонился. – Исполать и тебе, молодая поляница. По добру ли приехали? Расскажите мне, что в честном мире делается, да скажите, не захворал ли Алеша, поповский сын?

От напевной речи Микулы снова засвербило в ушах.

– Где дорога на Киев? – прервал его Добрыня.

– Чаво? – переспросил Микула, сбитый с ритма.

– Чаво-чаво, соху свою разворачивай! – вскипел Илья: – Почто дорогу перепахал, ока-янный? Иль тебе заняться нечем более?

– Дык... Илюшенька. Я дороги и в глаза не видывал. Пашу себе и пашу. Песенки пою, – Микула недоуменно огляделся. – Оралом поскрипываю, корешки да камушки с пашенки выкидываю.

– А дорога? – недобро сощурился Добрыня. – Где дорога на Киев? Ты погляди – одна сплошная пашня, куда глаз ни кинь! До тебя от того края пашни целый день обычного ходу. Если б мы не богатырским скоком скакали, так вообще бы тебя не догнали. А о простых людишках ты подумал? О каликах перехожих, о купцах да странниках? Шел здесь шлях, дорожка в стольный Киев-град. Обозами наезженная, конями протоптанная.

– Да не было дороги! – вскинулся Микула. – Разве что того-этого... – он виновато потупился. – Ну, какие-нито тропочки звериные... А Киевский шлях, кто ж его не знает... Там он, – Микула неопределенно махнул рукой куда-то на запад. – Я ить и пашу-то завсегда от леса, и до самого что ни есть киевского...

– Перепахал ты его, к такой-сякой ягой ядерной бабушке, – устало вздохнул Илья.

– Угу, – кивнул Добрыня. – Мы сверху прекрасно видели. Что ж ты, брат, такой невнимательный? Как теперь добрым людям от Черного моря в стольный Киев попасть, если даже мы подзапутались?

Микула поскреб задумчиво бороду.

– Ну дык, что ж теперь поделаешь? Что распахано, обратно не заровнять... На другой раз буду повнимательней.

– Ты, Микула, сейчас исправляй давай, – не отставал Илья.

– Да я бы рад, – расплылся Микула в улыбке, – но как исправить-та?

– А ты нас до Киева проводи, – улыбнулся в ответ Добрыня. – Сам, чай, давно в стольном городе не был.

– И то дело, – кивнул Микула. – Проедусь с вами до Киева, – он мечтательно улыбнулся. – Лишь метнусь на минуточку до дому, да одену одежку попримечнее, – оратай уже распрягал свою соловую кобылку.

– А про простых людей вы что, забыли? – вмешалась Алена.

– Это как так забыли? – удивленно посмотрел на нее Микула.

– Дороги-то нет, – пояснила она. – Нас ты проводишь, а все другие заблудятся. Хоть бы указатель какой повесили: "Киев, мол, там".

– Эх, до чего разумна красна девица! – Микула почесал бородку, ухмыльнулся. – Это мне недолго, так и сделаю! Подождите-ка меня тут две минуточки, – он вскочил на кобылку, ударил ее пятками в бока, и моментально исчез из виду.

– Да... Вот это лошадь, – мечтательно поглядел вслед Добрыня. – С места, без разгона, в богатырский скок ушла. Не то что мой Бурка или твой Чубатый.

– Ну, ты на своего Бурку напраслину не возводи. Помнится, дал ты ему раз плеточкой промеж задних ног, так он тоже с места, без разгона, в богатырский скок пошел.

– Угу, – скривился Добрыня. – Весь день потом скакал, остановиться не мог. Коли тебе, Ильюшенька, промеж ног плетью захватить, тоже, небось, с места в богатырский скок пойдешь.

Представив себе эту картину, Алена чуть от смеха не свалилась на землю. Илья, обиженно посмотрев на них, уже собрался сказать что-то в ответ, но тут с неба раздался свист и на пашню обрушился Микула Селянинович на своей соловой кобыле. Когда пыль развеялась, богатыри завистливо зацокали.

– Эка шляпа белая, пуховая, – покачал головой Добрыня.

– Микула расплылся в довольной улыбке. Давешний пахарь был почти неузнаваем: зеленые сафьяновые сапожки с модным высоким каблуком и закрученным кверху носком, черного бархата кафтан, вышитый серебряной нитью. Расчесанные русые кудри рассыпались из-под шляпы на черный воротник.

«А я-то все думала, что же такое эта пуховая шляпа из былин? – подумала Алена. – Оказывается это такая фетровая шляпа с отворотами».

– Так пойдет? – Микула показал Алене прибитую к длинному колу доску с намалеванным наскоро кулаком и надписью: "Киев там".

– Угу, – Алена кивнула.

– Ну так я мигом, – и он снова, ударив свою кобылку пятками в бока, исчез за горизонтом.

– По последней Киевской моде обрядился, – вздохнул Добрыня. – Дюк Степанович, небось, и тот от зависти удавится.

Через пару минут Микула снова со свистом рухнул с небес на пашню.

– Ну все, готово. Поехали. Провожу вас до стольного Киева.

Но даже богатырским скоком дорога до Киева оказалась неблизкая. Микула попридержал прыть своей лошадки, и скакал с богатырями стремя в стремя. Его так и тянуло на светский разговор:

– Был я недавно в городе, в городе-то славном во Ореховце. Закупил там соли пару сот пудов, – напевно гудел Микула. – Мужички-то все в том городе разбойнички...

– Отчего это, Микулушка, разбойнички? Нешто кто-то тебя там приобидеть смел? – встрепенулся Илья.

– А послушай-ка ты дальше, Илюшенька... Как купил я соли в городе все триста пуд, окружили мужички мою тележечку. Стали у меня они грошей просить.

– Отчего ж не дать-то? Дело доброе, – улыбнулся Илья.

– Дык и я о том подумал, Илюшенька... Я им стал-то ведь гроши делить. А грошей то мало становится, мужичков-то ведь да больше становится. Потом стал-то я их ведь отталкивать. Стал отталкивать, да кулаком грозить. Положил тут я их ведь до тысячи, – Микула разошелся не на шутку. Рассказывая он уже грозно размахивал руками. – Кто стоймя стоял, тот сидьмя сидит, кто сидьмя сидел, тот лежмя лежит...

– Ну а кто лежмя лежал? Те как? – Добрыня ехидно ухмыльнулся.

– Дак ить... – запнулся Микула. – Да что ты, в самом деле! Я ж не злодей какой-нибудь. Пусть и дальше валяются.

– Да уж, сочинять горазд ты, Микулушка, – попытожил Добрыня.

Микула нахмурился.

– А ты съезди, не сочти за труд, в Ореховец. Коли будут там с какого хошь прохожего, хоть бы с сильного, а хоть бы и со слабого, хоть бы с бедного, а хоть бы и с богатого, не давай проходу, гроши спрашивать... Коль увидишь ты такое в Ореховце, так отдам тебе за то я своего коня.

Добрыня прикусил губу. Илья грустно вздохнул:

– Что же, братцы, вы снова заспорили? Разве кто в тебе, Микула сомневается? А ты Добрыня, хоть и умный, а совсем дурак. Стыдно. Тоже мне, нашел, кого подначивать.

Пару минут богатыри хмуро молчали. Впрочем, долго так продолжаться не могло. Добрыня начал рассказывать Микуле, как он поймал лешака. Потом они с Микулой и Ильей вспоминали, как весело гуляли на богатырской заставе пару недель назад. Кончился этот разговор взаимными приглашением заехать в гости. И вдруг Микулу словно током ударило.

– Стойте! – он натянул поводья своей лошадки. Спутники последовали его примеру и вся кавалькада, опустившись на широкое поле, остановилась. – Я ведь снова забыл ее убраться! Ох, оставил снова сошку во бороздочке. Не для-ради прохожего проезжего! – Микула заломил руки. – Как бы сошку из земельки повывернуть, из омешков бы земельку повытряхнуть, да бросить сошку за ракитов куст...

– Да мы знаем эту шутку, Микулушка. Уж ты, право, нашел, кого разыгрывать, – усмехнулся Илья.

– Да сопрут ведь соху. Полна Русь проходимцев да жуликов.

– Ну снова-здоровая! – всплеснул руками Добрыня. – Да ее кроме тебя из землицы никто не вывернет. Помниться, даже Вольга со всей дружиной не смог.

– Не скажи, Добрыня. Ой, не скажи, – покачал головой Микула Селянинович. – Повсюду воры да разбойнички. Вот к примеру, помнишь ты мою суму переметную? Уж на что она тяжела была. Только я один мог ее носить... – Микула скорбно замолчал.

– Ну, помню. Что дальше-то? – не понял Добрыня.

– Что, что... – проворчал Микула. – Сперли.

– Не может быть! – охнул Илья.

– Я сперва тоже не верил. Ну кому нужна котомка-то? Неподъемная, на вид невзрачная... Потерял, думал. Две недели искал. Нету нигде... Вор на воре! Куда податься простому крестьянину? Надо вернуться. Если вам мою сошку вынуть кишка тонка, то что ж, – пахарь вздохнул, – тогда я сам...

– Да не возьмет ее никто! – замахал руками Добрыня. – Возвращаться назад, какой крик давать! И котомка твоя, точно, не украдена. Сам небось ее по пьяни где-нибудь забыл.

– Как по пьяни?! Окстись, Добрынюшка! – вскинулся Микула. – Да никто меня вовек перепить не мог!

– И в гостях у нас ты также говаривал, – коварно улыбнулся Добрыня.

– Ну да, – кивнул Микула. – Говаривал.

– А Добрыня и тогда тебя подначивал, – вспомнил Илья. – И побились вы об велик заклад. Кто кого перепьет, вы поспорили, – припомнив подробности, Илья схватился за голову. – А скатерка-то у нас ведь самобранная. Богатырь все пьет – не напивается. Зелено вино все не кончается.

– Да чего вы тут напраслину городите. Нешто мог я напиться до беспамятства?

– Так ответь мне, Микула Селянинович, кто из нас тогда заклад великий выиграл? – торжество зазвенело в голосе Добрыни.

Микула замолк. Напряженно задумался. Алене даже стало его жалко.

– Не помню, – оратай выглядел совершенно растеряно.

Добрыня уже торжествующе расправил плечи, но поймал суровый взгляд Ильи. Задумался. И тоже помрачнел лицом.

– Ведь и я того не помню, Микулушка.

– Охо-хо, ребятки, горе горькое – богатырь, пианный до беспамятства, – укоризненно потряс бородой Илья. – А сума твоя переметная и правда, либо у нас в дому, либо где в лесу Заповедном валяется. Как бы вор-злодей какой ни тужился, все равно она с места не сворохнется. Как и та твоя соха неподъемная. Так что дальше, Микулушка, поехали.

Они снова устремились в путь богатырским скоком, но не прошло и дюжины прыжков, как Илья натянул поводья. На пути у них, в чистом поле стоял черный шатер. А вокруг шатра бегал, громогласно ругаясь и размахивая руками, здоровенный усатый детина.

– Исполать тебе, добрый молодец, – произнес Илья, когда пыль вокруг остановившейся почти у самого шатра кавалькады рассеялась.

– Исполать и вам... – черноусый подозрительно окинул их взглядом, – люди добрые. Вы откуда? Чего вам надобно?

Богатыри удивленно переглянулись.

– "Вы откуда, чего вам надобно..." – ворчливо передразнил его Добрыня. – Вроде русский человек, вроде плечи, да ухватка богатырская. Что ж гостей-то не приветишь, не поклонисься? Не учен ли ты учтивости да вежеству? Али вовсе басурманский сын?

– Ты постой, Добрынюшка, свирепствовать, – прервал его Илья. – Это ж мой названный брат! Храбрый богатырь Дунай Иванович. Ведь двенадцать лет мы с ним не виделись. Похудел-то как, болезный, весь спал с лица. Может, с ним какое горе приключилось? Да от горя черны очи помутились? Расскажи нам, что случилось, добрый молодец? Что с тобою за обида, что за горюшко? Отчего по полю бегаешь, ругаешься?

– Уж ты мой названный брат, да Илья Муромец! Я служил у короля ведь ляховкицкого, я служил у короля ровно двенадцать лет: еще три года служил ведь я в придверниках, еще три года служил я в предворотниках, еще три года служил я в портомойниках, еще три года служил я в приключниках. И подарил мне король ведь черной шатер, и подарил мне король бочку с зеленым вином, и подарил мне король чарочку позолочену, подарил он мне еще дубовый столб, и в столбу колечко позолочено.

"Такой здоровый шкаф, да в портомойниках? – удивилась Алена. – Тут уж точно, похудеешь, да спадешь с лица... Тьфу ты! Заразилась былинным слогом. Пообщаешься с этими богатырями..."

– Так теперь ты, брат, со службы направляешься? Что ж с тобой за горе приключилось? – продолжал расспрашивать Илья.

– В чистом поле я гулял, да охотился. А приехав к шатру, опечалился. Подарил король мне бочку – тридцать три ведра. Тридцать три ведра да зелена вина... – Алена отчетливо услышала, как все три богатыря громко сглотнули. – И вина-то ведь было малость отпито. Малость отпито, да чуть пригублено...

Лицо Микулы Селяниновича словно окаменело. Его пронзила страшная догадка.

– Неужто сперли? – прошептал он чуть слышно.

– Тридцать три раза я обошел шатер. Все высматривал, да все выглядывал. Бочки нет нигде, как растворилась. Знать какой-то злодей, басурманский сын, – заскрежетал Дунай зубами, – умыкнул, уволок ее полнехоньку!

– Так скочи ты поскорей на коня быстрого! – взвыл Микула Селянинович.

– Да выхватывай скорее саблю острую! – подхватил Добрыня Никитич.

– Уж порвем-то мы в ключья гада гнусного! – завращал глазами Илья Муромец. – Чтоб не смел украсть добра богатырского!

– Да я сам бы рад догнать того охальника. Да копьем колоть, да конем топтать! – сжал кулаки Дунай. – Только нету даже и следочка малого. Словно бочечка сквозь землю провалилась. Или словно кто унес ее по небушку.

Лица богатырей помрачнели. Скорбное молчание повисло на целую минуту.

"Как на похоронах" – подумалось Алене.

– А пожалуй, я, братцы, знаю-ведаю, кто бы эдак мог стащить нашу бочечку, – нарушил, наконец, тишину Добрыня.

– Кто?! – хором спросили остальные.

– Да не смотрите вы так, – вздрогнул Добрыня. – Я говорю "мог стащить". Это совсем не то же самое, что "стащил".

– Кто?!!

У Алены мурашки побежали по коже: "Вот так и начинаются войны".

– Ее мог бы утащить Черномор. Он же летающий. Да и замечен уже он был в воровстве. В позапрошлом году он уже крал, вот эдак, дочь Владимира Красна Солнышка, Людмилу.

– А ведь верно, – Дунай недобро сощурился. – Сперва по мелочам. Потом девок стал красть. А теперь и до бочек дошел... Ну, Черномор, я тебе припомню!

– Да один ты что ли, Дунаюшко? – вскипел Микула. – Да ить он нам всем в душу плюнул! Да за это мы...

«Да не та ли это бочка зелена вина, которую Черномор приносил на богатырскую заставу?» – осенило вдруг Алenu. И она хотела поделиться своей догадкой, но, глянув на лицо Добрыни, смолчала.

Добрыня, еще секунду назад кипевший праведным гневом, замер, словно пораженный страшной догадкой. Он рукавом вытер пот со лба и пошел на попятную:

– Да стойте вы, ребятушки! Я же так сказал, предположительно. Может Черномор и ни при чем?

– Как это ни при чём? – заворчал Микула. – Сегодня он бочку с вином, а завтра, глядишь, и сошку мою вытащит.

– Да мало ли у нас летающих? – спросил Добрыня. – Кто видал здесь Черномора этого?

– Нечего впустую разговаривать, – сказал, как отрезал, Илья. – Род спаси нас от суда неправого. Кто да как ту бочку крал, мы не видели. Только если про охальника дознаемся... Будь он хоть Кощей, хоть Змей Горынович – не сносить тогда ему головушки.

Глава 4

С друзьями, в гриднице высокой

Владимир-солнце пировал...
А.С. Пушкин

К стольному Киеву они подъехали уже впятером. Город был особенно красив с высоты птичьего полета: выглядел как игрушечный, и в то же время, поражал своими размерами. Он раскинулся за белокаменными стенами на холмах, прямо над полноводной рекой, окруженный заливными лугами, распаханными полями и густой россыпью деревень.

Богатыри остановились у самых белокаменных стен. Мимо, по плотно утопанной дороге ручейком тянулся людской поток: пешие и конные, с телегами или просто с переметной сумой на плечах. Два стражника в воротах придиричиво оглядывали входящих, с некоторых требуя денег.

– Ежели осталось все по-прежнему, – Микула почесал живот над поясной калитой, – пеших пропускают беспошлинно. А берут с телеги по копейке. С конного берут да полкопейки.

Добрыня взглянул на Илью. Ни у того, ни у другого кошель на поясе не было. Глянув на гордо улыбающегося Микулу, Добрыня поморщился и сказал:

– Ой, не гоже ехать добрым молодцам, въезжать в город, как обозникам – воротами. Ну как мы, Илюша, по-старинному, прыгнем через башню наугольную?

– Отчего не прыгнуть, дело доброе, – кивнул Илья. Но тут же нахмурился. – Только князь Владимир изругается.

– Он на то и князь, чтоб гневаться, – возразил Добрыня. – Не за нас боится, дело ясное. За свою он крепость опасается. Только зря, мы к башне не притронемся. Пролетим высоко, как по-старому.

– Верно. Что ж мы, ради княжьей воли-прихоти, бросим все повадки богатырские? – попытожил Илья. Они с Добрыней, развернув коней, поехали к высокому холму, с которого, видимо, и собирались прыгать через самую высокую, угловую башню стены стольного города.

Следом за ними развернул коня и Дунай Иванович. Его конь был нагружен тем имуществом, что осталось после утраты бочки – скатанным в огромный тюк бархатным шатром да деревянным столбом с колечком позолоченным. Позолоченный ковш торчал из седельной сумки, распухшей от набитого в нее, заработанного на долгой службе добра.

"Все свое ношу с собой, – подумалось Алене. – Как же он еще и бочку волок?"

Оглянувшись на Дуная, Илья озабоченно покачал головой.

– Ведь твоя лошадка чай груженная. Что, коли у ней не хватит силушки? Ты ж тогда о башенку размажешься.

Лицо Дуная пошло красными пятнами:

– Коли в том повадка богатырская, прыгну через башню наугольную. Ты мне в том, Илюша, не указывай! А хоть и размажусь, то моя беда.

– Только князя гневить, да людей пугать, разве ж то повадка богатырская? Дурь одна, да лихость молодецкая, – проворчал Микула. – Коли с вами денег не случилось, я б за вас за всех заплатил за вход. Нешто пожалею две-то денежки?

Но богатыри даже не оглянулись. Добрыня уже погнал коня вскачь и у самой вершины холма, хлестнув его плеткой, взлетел по крутой дуге над башней. Илья что-то еще говорил Дунаю, но тот в ответ лишь мотал головой. Илья раздраженно махнул рукой, развернул коня и погнал его на вершину холма. Взвился по крутой дуге, но прошел чуть пониже Добрыни, едва не коснувшись медного флажка-флюгера на маковке тесовой башенной крыши.

Дунай, взяв особенно длинный разгон, взмыл с вершины холма по еще более пологой дуге. К счастью, конь оказался умнее хозяина, в последний момент свернув в сторону от башни. Но даже так, он едва сумел перемахнуть через стену.

– Ну, слава богу, все целы, – вздохнул Микула. – Поехали и мы, Аленушка. Воротами оно спокойнее. И ни на кого с небес не сверзишься. Добрыня с Ильей аккуратно попадут на лобный холм, что над торговой площадью перед княжьем теремом. Там безлюдно обычно. Ежели, конечно, никого не порют за провинность, или не читает бирюч какой-нибудь княжий указ. Но это все дело нечастое. А Дунаюшко промахнулся. На город, эдак с неба сверзившись, можно и крышу в доме проломить, и переломать ноги коню.

Микула отдал стражнику маленькую, с ноготь величиной, серебряную копейку за двух всадников, и они с Аленой въехали в стольный Киев-град. Большая улица, начинавшаяся у ворот, вела на торговую площадь. На лобном холме стоял бирюч в красном кафтане. Он держал в руках шест с насаженной на него шапкой и, жалобно подвывая, читал какое-то княжеское повеление. Слов, за дальностью, слышно не было. Сам лобный холм и площадь вокруг него были совершенно пусты, несмотря на общее базарное многолюдство. Бирюч, не прерывая своей речи, то и дело вжимал голову в плечи и опасно косится на маковку наугольной башни.

С дальнего края торговой площади, перекрывая базарный гомон, доносились возмущенные крики и ругань. Алена уловила знакомый голос. "Гнилая крыша" и "Сами виноваты" – вот, пожалуй, и все печатные слова, какие ей удалось разобрать. Понимающе переглянувшись, Алена с Микулой направились к княжьи хоромам.

Изукрашенный резьбой терем стоял на высокой белокаменной подклети. Дюжина крупных, норовистых, богато оседланных коней стояла у коновязи. Двое служек подбежали к спешившимся Микуле и Алене, чтобы взять их лошадей под узцы, но черная и соловая кобылки так сурово покосились на них, что слуг как ветром сдуло. Столь же резво конюхи отскочили и от коня въехавшего следом Дуная. Лошадь появившегося на дворе позже дородного боярина слуги учтиво взяли под узцы и увели в княжескую конюшню.

– Это что же, – удивилась Алена, – одних коней на конюшне кормят, а к другим и подойти боятся?

– Так то кони не простые – богатырские. К нашим коникам чужие не подступятся.

Богатырские кони, тем временем, подозрительно косились на снующих по княжьему двору слуг и перефыркивались между собой. Им явно было, о чем поговорить.

– Что же ты, Дунай, от друзей отстал? Что не прыгнул чрез башню наугольную? – ехидно спросил Микула у подошедшего богатыря.

– Да на рынок заскочить решил. Там людишки все злыдни да бездельники. Конь махнул хвостом, лавка рухнула. А они ко мне, мол, серебром плати! За обиду стало спорить мне с базарными. Дал им денег горсть, пусть подавятся, – нашелся с ответом Дунай.

Они вошли в просторную гридницу, в которой с обеда, а, может, и с самого утра шел пир. Догадливые чашники моментально поставили для гостей новые приборы, поместив их рядом с Ильей и Добрыней. Те уже успели выпить по немалой штрафной бадье.

Столы весело гудели. Откуда-то из дальнего угла лилась неспешная песнь Баяна, но его никто не слушал. Князь Владимир восседал на высоком, украшенном самоцветами троне во главе центрального стола. Аккуратная русая борода, локоны до плеч, благородные, словно точеные черты лица – хоть икону пиши. Величественно расправив плечи, он смотрел поверх голов пьющих и закусывающих гостей. Скука, перерастающая в тоску, затаилась в голубых глазах Красна Солнышка.

Одесную князя стоял отрок с полным вина золотым кубком, а ошую – другой отрок с серебряным подносом, полным спелой черешни. Время от времени, отвлекшись от скорбных мыслей, князь съедал ягоду и пулял косточкой в одного из сидящих рядом ближних бояр, совершенно уже упившихся и блаженно расслабленных. Когда уязвленный боярин выходил из дремы и начинал махать рукой, словно отгоняя мух, князь кисло улыбался.

«И я гляжу на это дело в древнерусской тоске, – вспомнила Алена строчки из песни. – Как же ему, должно быть, тошно. Судя по былинам, эти орлы пьют у него в палатах изо дня в день. Надоели, небось, до смерти. И выгнать нельзя. Надо поддерживать имидж ласкового князя».

– Так о чем в том указе князем сказано, ты поведай нам, Василий Казимирович, – спрашивал тем временем Добрыня рыжеусого, широкоплечего парня, видимо тоже богатыря и своего давнего знакомого.

– Да неужто вы, братцы, и не слышали? И бирюч о том кричал на площади, да и князь уже сам приговаривал. Как медведи живете в своей глуши, хоть почаще заезжали б в стольный Киев-град.

– Да уж мы, когда в Киев-то прибыли, через башню как скакали наугольную, так я помню, бирюч кричал на площади. Да "караул" кричал, а не князёв указ. Больно рядом с ним мы сверху падали. А указ-то мы княжий не слышали.

По столам покотился дружный смех. Те, кто не расслышал шутки, переспрашивали, и тоже начинали заливисто смеяться.

– Ай примите от меня, от князя, чарочки, вы, Добрыня, Илья да Дунаюшко. Зелена вина, вина заморского, – голос князя грянул, словно гром, с другого конца гридницы. Расторопные слуги уже несли три больших, наполненных вином, золотых ковша. – Да хочу я с вами выпить за здоровьице. За здоровьице ваше драгоценное. У меня-то слава богу слух достаточный. Никогда-то на него не жалуясь. Так испьем, чтоб у вас тоже слух поправился, да ума бы еще малость поприбавилось.

Шум в зале затих. Даже Боян перестал брэнчать на гусях. Все с интересом уставились на встающих богатырей.

– Говорил я тебе, князь будет гневаться, – вполголоса пробурчал красный, как рак, Илья Добрыне.

– Что же, нам бросать повадку богатырскую? – буркнул Добрыня. – Ничего, у нас добрый князь, отходчивый. Посерчает малясь, да охолонится.

Отвесив поклон, богатыри приняли чаши, и Добрыня ответно произнес:

– Пьем и мы за здоровье богатырское. Чтоб ума и слуха было нам достаточно, от врагов бы защищать Россию-матушку, да прекрасный город Стольно-Киевский, да тебя, наш ласковый Владимир-князь, – и все трое одним духом выпили поднесенные им ковши.

Гроза миновала, и дальше пир пошел своим чередом. Богатыри рассказывали друг другу о недавних приключениях, интересовались столичными новостями. Самой главной новостью было похищение Людмилы – младшей дочери князя Владимира. Собственно, два года назад ее уже похищал Черномор. Добывать княжну из неволи вызвались тогда местные бояре Фарлаф и Ратмир, да какой-то богатырь из степей – Руслан. После долгих мытарств Руслану удалось выволить Людмилу, но до свадьбы у них дело не дошло. Познакомившись поближе со стержовым характером юной княжны Руслан сбежал обратно в степь. А Людмила так и осталась жить при папочке, дожидаясь другого жениха. И вот, на днях снова пропала. Князь почему-то пребывал в уверенности, что Людмилу украл именно Черномор и подыскивал новых героев, которые бы отправились ее выволить. Собственно, последний княжеский указ обещал большую награду, руку и сердце Людмилы и чуть ли не полкняжества в придачу тому, кто ее освободит.

– А чего это... ик, Дунаюшка не ест, не пьет? – осведомился весьма пьяный Дюк Степанович, присоединяясь к компании богатырей. Он уселся рядом с Дунаем и обнял его за плечи. – Помнишь, брат, гуляли мы в прошлом году, при дворе у короля, у Ляховицкого? Ведь слугой служил, индо весел был. Отчего же теперь, брат, печалишься?

– Я скажу, отчего он печалится, – вмешался Микула. – Оттого что Черномором обиженный.

– Черномором? Да как же так случилось? Что же это Черномор опять свирепствует? – Дюк выжидающе уставился на Дуная.

– Я служил у короля ведь ляховкицкого, я служил у короля ровно двенадцать лет... – начал свой рассказ Дунай.

«О, боже! Опять он жалуется. Да что же это за богатырь такой?» – чтобы отвлечься, Алена отхлебнула пива из поданного ей серебряного кубка и надкусила медовый пряник.

– Еще три года служил я в портомойниках, еще три года служил я в приключниках. И подарил мне король ведь черной шатер...

«Вообще-то здесь хорошо, интересно. Вот только Добрыня с Ильей сейчас попьют вина, да и вспомнят, что приехали в Киев, чтобы жениться на мне. Случилось бы что-нибудь эдакое, чтоб стало им не до того».

– ... и вина-то ведь было малость отпито. Малость отпито, да чуть пригублено...

Последние слова Дуная сопровождались дружным возмущенным стоном:

– Ну Черномор, ну гнида!

– Вот ведь охальник!

– Злодей...

– Удавил бы своими руками!

– Своими руками, говорите? – появившийся откуда ни возьмись князь Владимир оглядел богатырей. – Кто это тут у нас Черномором обиженный?

Воцарилось молчание. Взгляды устремились на Дуная, обильными возлияниями возмещавшего утрату своей бочки. С трудом поднявшись, Дунай оперся о стол кулаком, чтобы не шататься, и отвесил князю поясной поклон.

– Уж ты князь Владимир стольно-киевский! Изобидел меня Черномор-колдун. Я служил у короля ведь ляховкицкого, я служил у короля ровно двенадцать лет...

– Слышал уже, – сморщившись, как от зубной боли, торопливо перебил его князь. И, подойдя к богатырю вплотную, по-отечески положил ему руку на плечо. – Ай же ты, Дунаюшка Иванович! Возьми ты у меня силы сорок тысячей, возьми казны десять тысячей, поезжай во тую землю, в Черноморову, забери мою любимую доченьку. Буде в честь ее Черномор не даст, забери тогда ее силушкой!

Дунай затравленно оглянулся и, кажется, совсем протрезвел, представив себе, как сорок тысяч княжских людей по дороге проедают десять тысяч княжьей казны а потом разбегаются при виде колдовским образом летающего Черномора.

– Солнышко ты, Владимир стольно-киевский! – запричитал Дунай. – Ой не надо мне силы сорок тысячей, мне не надо казны десять тысячей! Дай-ка ты мне любимых товарищей, Илью Муромца да Добрыню Никитича, – взгляд Дуная при этом устремился на двоих богатырей, словно бы умоляя – «не выдайте».

Князь Владимир, окинув взглядом свою притихшую рать, скорбно хмыкнул, видимо сожалея, что теперь не получится услатить их всех на месяц-другой с глаз долой. Потом перевел взгляд на Илью и Добрыню, понимающе усмехнулся и развел руками.

– Ай же вы, Илюша да Добрынюшка! Пожалуйте к Дунаю во товарищи.

Илья, пожав плечами, отер с усов пивную пену и молча поднялся из-за стола. Добрыня нарочито низко поклонился князю и Дунаю.

– Ой спасибо тебе, князь да стольно-киевский, и тебе, Дунаюшко Иванович, за почет, за ласку, за доверие, – саркастически усмехаясь, нараспев проговорил он. – Нешто мы с Ильей теперь откажемся?

Прямо из-за столов Илья, Добрыня и Дунай двинулись на двор. Следом за ними устремился князь и весь пировавший в гриднице люд, который еще мог стоять на ногах.

«Ну вот, опять куда-то ехать. Кого-то спасать... Меня, конечно, ни о чем не спросили», – вздохнула Алена и пошла следом за богатырями. На крыльце она немного замешкалась в обра-

зовавшейся толчее, и вдруг увидела трех богатырей, одного за другим вскачь летящих к лобному холму на торговой площади.

– Стоять! Куда?! – спохватился князь Владимир.

Но Добрыня уже хлестнул своего Бурку, и тот, взвившись с места, перемахнул наугольную башенку крепостной стены. Следом взлетел Чубатый. Последним скакнул Дунай на своей все также перегруженной сверх всякой меры лошадке. Предусмотрительно взяв чуть правее, он пролетел мимо башни в локте от белокаменной стены. Не успевший отдохнуть конь зацепил копытом за верхнюю кромку и обрушил вниз один из крепостных зубцов.

– Да что ж это! К растакой ягой ядреной бабушке! Когда-нибудь сроят этот холм?! – затряс кулаками Владимир. – Кто у нас отвечает за благоустройство в черте города?

Не найдя среди окружающих его подобострастно улыбающихся боярских рож отвечающего за благоустройство (тот поспешил пригнуться, прячась за спинами товарищей), князь махнул рукой и направился обратно в хоромы.

– Видали добрых молодцов сядучись, не видали добрых молодцов едучись, – прокряхтел кто-то в толпе. – Эх, молодость, молодость.

«А как же я? Куда же они без меня?.. Неужели забыли?! – заметалась Алена. – Ну конечно, первым делом самолеты. Ну а девушки? А девушки потом».

Микула попытался утешить ее:

– Ну да что ты убиваешься, Алёнушка? В том походе тебе делать нечего. К Черномору дорога, знамо, долгая. До заморского того до Ново-города. Ну да кони у них шибко быстрые. Ты здесь месяц-другой пообвыкнешься, а они к тому времени управятся, – он блаженно улыбнулся, и подсунил Алене ковш с какой-то пенной жидкостью. – Выпей лучше медку, да скушай пряничек.

– Целый месяц тут сидеть? – засомневалась Алена. – Может, лучше обратно на заставу богатырскую поехать?

– А и на заставу езжай. А я провожу тебя завтра утречком, – убедившись, что Алена сделала большой глоток из подсунутого ковша и впилась зубами в пряник, Микула вернулся к прерванной беседе с соседом:

– Я как ржи-то напашу, да в скирды сложу, я во скирды сложу, да домой выволочу, домой выволочу, да дома вымолочу, а я пива наварю...

«Да что ж это такое? – со все возрастающей обидой думала Алена. – Добрыня-то как вздыхал. Я уж поверила, что он в меня влюбился. Илья тоже хорош! Бросили меня, даже слова не сказали. Как вернуться – убью! Только бы они все живые вернулись».

– О! Будь здоров... ик, Микула Селянинович! – прилагая усилия, чтобы поддерживать себя в вертикальном положении к ним приблизился, сияя бессмысленной голливудской улыбкой, богатырь.

– Будь здоров и ты, Дюк Степанович, хотя мы с тобой уже здоровались, – кивнул ему Микула.

– Что за отрок с тобой, коса русая?.. Как зовут тебя, красна девица? – Дюк Степанович сверкнул глазами и, то ли из-за врожденной галантности, то ли из-за полной уже невозможности держаться на ногах, припал у ног Алены на одно колено и схватил ее за руку.

– Да чтоб вы все треснули! – Алена в сердцах стукнула своей корзинкой по голове приставучего хама. Раздался легкий хлопок, и еле слышно запахло озоном.

Дюк Степанович ошеломленно захлопал глазами. Осмотрелся вокруг удивленно-трезвым взглядом, испуганно пробормотал:

– Пардон муа, – вскочил и бросился из гридницы прочь.

«Как это он так быстро протрезвел? – удивилась Алена. – Ай да корзиночка у меня, уж не из-за шишек ли она стала волшебной?»

– Поле! Русское По-о-оле!!! – взревели вдруг с другого боку. От самозабвенного пения захмелевшего Микулы задрожали окна терема.

– Да вы что, сговорились?! – Алена с размаху заехала Микуле корзинкой по голове.

Рулада прервалась на полуслове. Микула удивленно огляделся вокруг.

– И правда. Чего это я распелся? Чай не в поле пашу.

За спиной Алены вдруг возник князь Владимир Красно Солнышко.

– Что это у тебя, девица, за корзиночка? Дай-ка мне... поглядеть.

Алена не посмела ему возразить, тем более, что униженные перстнями пальцы князя уже вцепились в ручку, а голубой, мутноватый от излишней дозы хмельного взгляд впился в хитро-роплетение ивовых лоз.

– И простая, поди-ж ты, штуковинка. На Руси ведь таких пруд-пруды. Нешто мне все то с хмелю пригрезилось?

Князя повело в сторону. Переступив ногами, он зло сжал губы, приосанился и со всего маху огрел себя корзинкой по голове. Снова чуть пахло озоном. Обведя гридницу прояснившимся взглядом, Владимир повел плечами. Не доверяя своим чувствам, покрутил головой. И лицо его вдруг озарила по-детски задорная улыбка.

– Что ты хочешь за корзинку, красна девица? Говори, не бойся. Все, что спросишь, дам.

– А уж дай-ка князь ты справу мне дорожную, да кафтан, да плеть, да лук со стрелами, да припас еды, да серебра кошель, ведь хочу я в путь-дорожку отправиться, – выпалила Алена, удивляясь сама себе.

«А и вправду, чего мне сиднем сидеть в княжьем тереме столько времени – я так с тоски помру. А они там без меня пропадут. Обманет их Черномор, или еще какая беда приключится. Они же, как дети малые».

Князь Владимир кивнул, и со злорадной ухмылкой двинулся вдоль скамей, высматривая кого-то среди пирующих. Углядев благостно улыбающегося, совершенно потерявшего связь с реальностью ключника, князь, словно пардус подскочил к нему и стукнул корзинкой по голове. Моментально протрезвевший ключник вскочил со скамьи, обнаружил нависшего у себя над плечом князя и обречено замер.

– Ты где должен быть? – прошипел князь. – На пиру?!

– В-виноват! Я э... по делу заскочил и...

– Пойдешь с этой девицей в казну, – князь указал перстом на Алену. – Выдашь ей то, что прикажет. И дашь о том полный отчет.

И Красно Солнышко двинулся дальше, сияя лицом, радостно притоптывая в такт гусям Бояна и время от времени с плеча раздавая удары волшебной корзинкой по головам.

Глава 5

Для милого дружка семь верст не околица.

Русская народная пословица

Из закромов Алена вышла, одетая на восточный манер – в приталенный кафтан и шаровары. В руках она несла целый ворох имущества: лук со стрелами, саблю, увесистый кошель с серебром и дорожный мешок, полный припасов.

Ночевать пришлось в Киеве. Ключник распорядился разместить Алену в отдельной горнице и убежал. Хлопот у него было предостаточно. Пир подходил к концу. Княжьи слуги провожали до дверей под ручку, а порой и тащили на себе вволю наевшихся и напившихся гостей. Наиболее почетных развозили по домам, или устраивали в гостевых комнатах княжских хором. Менее знатные шли домой своим ходом, а совсем пьяных слуги укладывали прямо на пол в сенях.

Алена вышла на крыльцо. Лошадок на дворе поубавилось. Собственно, стояли только две не привязанные лошади. Черная лошадка Алены и богатырский конь Микулы Селяниновича.

«Интересно, а где же сам Микула?» – подумалось Алене. И словно в ответ на ее мысли откуда-то издали до нее донесся раскатистый бас:

– Поле... Русское По-о-о-ле!..

– Понятно, – Алена сладко зевнула. – Всю ночь, наверное, гулять будет.

Наутро, однако, Микула выглядел свежим, как огурчик. Он встретил Алену у крыльца и помог упаковать добро. Не медля более ни минуты, они вскочили на лошадей. Выехав за стены, пошли богатырским скоком. Замелькали под копытами лошадей поля и перелески. Через некоторое время во весь горизонт легло перепаханное Микулой поле. Солнце забиралось все выше.

– А вот и указатель мой! – обрадовано указал пальцем Микула. Широкая утоптанная дорога упиралась в перепаханное поле. Там, где лихая богатырская соха перерезала киевский шлях, стоял столб с указателем. И прямо от этого указателя уже был вытопан почти такой же широкий и хорошо утрамбованный, как и бывший шлях, путь.

– Надо же! – удивился Микула. – И дня не прошло, а сколько уже народу проехало. Не зря я, значит...

– Микулушка, – с сомнением спросила Алена. – Мы ведь напрямиком от Киева едем?

– Ну да.

– А дорожка-то новая совсем в другую сторону ведет, – Алена поджала губы. – Куда же они все направились?

– Да коли у них ума совсем нет, что же мне теперь, за ручку всех провожать? Едут и едут, – возмутился Микула. – Я за них за всех не в ответе.

– В ответе, – отрезала Алена. – Они поехали туда, куда показывал твой указатель.

– Точно? – и Микула натянул конские поводья.

Алена поспешила сделать то же самое, чтобы не упрыгнуть одной в неизвестность. Лошадки приземлились на небольшой поросшей ковылем возвышенности. Пахарь, привстав на стременах, оглядывал во все стороны раскинувшуюся степь. Только где-то на юге чернела полоска леса.

– Ну и как же мне быть теперь? Коль дорога та неправильно протоптана, так ее надо срочно перепахивать, да на Киев указатель перевертывать, да пойтить-проводить на Киев путников, чтобы снова они не заплутались, чтобы верно дорожка протопталася, – и Микула озабоченно почесал затылок, сдвинув на лоб свою пуховую шляпу.

– Верно.

– А как же ты? Заблудишься ведь. Я же до самой заставы богатырской проводить тебя хотел.

– Ну, от моря я и сама дорогу найду.

– Так чего стоим тогда, поехали! Вон, на юге чернеет полосочка. То деревья все леса Заповедного. А за ними уже море Черное.

До моря добрались в дюжину скоков. Алена натерпелась страха, перелетая через Заповедный лес. Все боялась, что кони, падая на землю из очередного скачка, угодят прямо на бурелом или в густую лесную чащу. Однако, каждый раз находились потаенные лесные полянки. А после того, как они с Микулой, последним прыжком чуть не угодили прямо в глубины моря, лишь каким-то чудом рухнув с небес в полосу прибоя, Алена долго не могла разжать свои пальцы, вцепившиеся в лошадиную гриву.

– Да, давно я так над лесом-то не скакивал, – Микула утер выступивший на лбу пот. – Ты не пробуй так сама, Алена, езживать. Наши кони и без этого быстрые, даже если скакать по дороженьке. Когда море вблизи, или лес большой, или горный какой край неизвестный, лучше скоком богатырским не скакивать. Уж почему я стар, так и то б не стал, только ждет меня дорога

неисправная. Ты езжай, Алена, влево, по бережку: там стоит застава богатырская. Да одно-то не пускайся в путь дороженьку. Не найдешь ты царства Черноморова. А дождись-ка там Алешу Поповича.

Алена только кивнула. Она постепенно приходила в себя. Микула, оглядевшись, развернул свою соловую кобылку, хлестнул ее плеткой и, взлетев над лесом, исчез.

«Ну вот, я и снова одна», – подумала Алена.

Слева был Заповедный лес, а справа Черное море. Почти как в начале ее приключения. Вдруг ее как током ударило: показалась та самая тропинка, по которой Алена вышла из леса к морю. Вот она, лежит под ногами. И если пойти по ней обратно в лес, если найти то место, где она выбралась из бурелома, если потом попытаться найти выход на трассу... Она уже хотела соскочить с лошади, но остановилась.

«Илья с Добрыней, конечно и без меня не пропадут. Но как же Алеша? Куда он пропал? Может, его эта озерная девка заколдовала? Не могу же я уйти, не узнав, что с ним! Всё равно искать меня никто не будет. Соседи решат, что я в город вернулась. Была бы жива бабушка...» – Алена, вздохнув, тронула пятками бока Черной.

Бабушка Аглая, у которой она жила с пятнадцати лет, умерла в прошлом году, завещав внучке крепкую избу в деревне и заросший сад. Жить в опустевшем доме Алене не хотелось, но и продавать наследство дачникам не лежала душа. Как-нибудь потом. А пока что у нее каникулы. И собственная сказка, от которой невозможно отказаться.

Алеша Попович обнаружился за заставе – за столом в обнимку с кувшином вина. Увидев Алену, он попытался подняться, но не сумел.

– Ну вот, Алёнушка, совсем меня ноги не держат, – богатырь виновато улыбнулся. – И зачем-то я поехал к синю озеру? Жизнь моя теперь совсем пропащая...

– Что же так? – Алена присела рядом на лавку. – Поссорились?

Алеша глубоко вздохнул:

– Ты прости меня, милая Алёнушка... Уж не думал я, что все так переменится. Словно пташка летал, с ветки на веточку... Только нынче все совсем по-настоящему. Я пропал, совсем пропал, Алёнушка. Со мной раньше такого не случалось. Раньше все была лишь удаля молодёцкая. Только нынче любовь настоящая. Настоящая, да только бестолковая, на погибель и мне и ей пришедшая, – и Алеша одним залпом опрокинул чарку. В его синих, отчаянных глазах стыла безнадежная тоска.

– Ну-ка, давай по порядку, – забеспокоилась Алена. – Она что, бросила тебя?

– Если бы, – Алеша кисло улыбнулся. – Обещала любить веки-вечные, обернулась белой лебедушкой да порхнула прочь, к морю синему.

– Ничего, коли любит – воротится, – Алена погладила Алешу по руке. – А не любит, так и нечего печалится.

– Любит, любит она меня, Алёнушка!.. Да только она – лебедь белая. Человеком лишь на один день в году оборачивается! – богатырь стукнул кулаком по столу. – Раз в году! Ах ты горюшко горькое! – и он снова потянулся к кувшину с вином.

– И ты решил напиться с горя? – Алена убрала кувшин на другой конец стола.

– Ну решил, и что с того? – Алеша Попович привстал, пытаясь дотянуться до вина, но ноги подкосились, и он вновь плюхнулся на скамью. Горькая усмешка скривила его губы. – Только видно и напиться не получится... Пью который час, да все бес толку. Уж и ноги мои стали нехожалые. Только голова все не замутится. Горе горькое не забудется. Проще видно утопиться в синем омуте.

– Не топиться, а жениться тебе надо, – разозлилась Алена. – Я знаю, кто твоя лебедь. Она дочь морского царя и племянница Черномора. Коли любишь ее по-настоящему, так езжай

и сватайся. Заодно узнаешь, как снять с нее заклятье. Добрыня с Ильей, кстати, тоже к Черномору поехали.

– А им-то зачем? – удивился Алеша.

Алена коротко пересказала ему все, что произошло в Киеве.

– Так что лучше нам попасть к Черномору раньше, чем к нему приедут разбираться Дунай, Илья и Добрыня. Или хотя бы одновременно с ними, иначе о сватовстве можно забыть, – Алена критически оглядела богатыря. Жаль, корзинки нет. – В состоянии ты ехать верхом?

– Легко! – Алеша, получивший надежду, просветлел лицом и вскочил со скамьи. Впрочем, ноги его моментально подкосились, и молодец рухнул грудью прямо на стол. Попытался приподняться, но безуспешно. Повернулся поудобнее на бок и огласил горницу богатырским храпом. Судя по умиротворенной, счастливой улыбке, во сне он видел свою любимую Лебедь.

– Буба!.. Бу-уба!!!

– Ну что там? Кто меня зовет? – зашевелилось и закричало поваленное бревно, на которое уже собралась присесть Алена. Из-под бревна вылез леший, стряхивая со своей коричневой куртки мох и древесную труху. – Только, понимаешь, решил себе новую нору обустроить... А, это ты, Алена? Так и осталась жить в доме у этих диких?! И не боязно тебе...

– Слушай, Буба, ты знаешь, где живет Черномор?

– Чур меня, чур! – вздрогнул леший. – Еще только Черномора нам в лесу не хватало. То русалок с собой в лес притащит, то зелена вина. А молнией он, знаешь, как может пригреть? Хуже только Ягая Бабушка со своей кочергой...

И тут до Бубы дошел смысл заданного Аленой вопроса. Леший словно стал меньше ростом и испуганно уставился на нее.

– А зачем тебе Черномор?

– В гости к нему хочу съездить.

Леший закашлялся.

– Ой, девка... Пропадешь ты. Сперва богатыри эти дикие. Потом Черномор. А завтра ты, небось, к Морскому Царю в гости захочешь, или того хуже – к Кощею.

– Так ты знаешь дорогу? – грозно нахмурилась Алена. – Отвечай! Ведь ты же обещал мне помочь!

– Оно да. Конечно... Коли у тебя ума совсем нет, то ладно. Уж лучше я тебе тогда дорожку укажу, чем лиходея какой. А Черноморово царство как раз на том берегу моря, который отсюда не виден. Ходили оттуда, знаю, корабли заморские. Прямо из царства шли Черноморова. Три дни плыть, а то и четыре, коли ветер попутный будет, да ладья справная. А коли не будет, так то прямая дорога на дно морское. Да и купцы те все – обманщики. А иные и вовсе разбойники. Сухопутный-то путь выйдет поудобнее.

– И каков же он, сухопутный путь?

– А простой – налево по берегу. Как пойдут сперва степи широкие, а потом болота глубокие, да леса дремучие, да высокие горы оловянные, за ними будет и земля заморская. Там на берегу Новый град стоит, город каменный. А над ним на горе замок Черноморов. Да ведет к нему тропинка узкая, упирается в ворота железные. В Черноморе том силушка великая, колдовство да коварство злодейское. Как взлетит он прямо в небо высокое, да как прынет с небес стрелой огненной, булавой разобьет врагам головушки. Черномору вороны служат черные, да недобрые людишки, все разбойнички. Да в родной земле его боятся все, а в соседних землях опасаются. Не ходила бы ты душечка, Алёнушка, в дальнее царство Черноморово. Уж поверь мне, это дело не женское. Богатырь и тот там сложит голову.

– Нет уж. Без меня Алеша точно пропадет. Придется вместе с ним ехать сватать Лебедь. Ты точно уверен, что она племянница Черномора?

– Угу, – Буба почесал голову. – Так ведь она и морским богатырям сестра. Может проще с ними договориться?

Алена упрямо наклонила голову.

– Нет, если они Лебеди до сих пор не помогли, значит ничего поделывать не могут. Чую, дело в Черноморе. Спасибо тебе, Буба, за науку. Пойду я. Завтра Алеша проспится, и мы поедем. Сухопутным путем оно, наверное, надежнее. А с нашими лошадьми так даже быстрее получится.

– Подожди, постой, красна девица, – Буба полез под бревно и чем-то там зашуршал. Из норы последовательно появились дырявый сапог, деревянная миска, огниво, какие-то тряпки... Следом выбрался сам Буба, прижимая к себе небольшой берестяной короб. Аккуратно поставил его наземь, снял крышечку и одну за другой вынул пять шишек. Посмотрел на них, три, что побольше, положил обратно, а две шишки протянул Алене.

– Вот. Держи.

– Зачем они мне?

– В этих шишечках сила великая. Коль какой супостат появится, коли он на тебя накинется, так ты кинь прямо в лоб ему шишечкой: искры у него из глаз посыплются, кувырком болезный опрокинется... Или сменяешь на что полезное. Пригодиться они могут ко многому, – и Буба аккуратно положил шишечки в подставленные Аленой ладони.

Алеша проспался только к середине следующего дня. И еще три часа наряжался, да прихорашивался.

– Ну что ты копаешься? – нервничала Алена. – Нам нужно успеть раньше Ильи с Добрыней. А то нехорошо получится – одни едут свататься, а другие – у самого Черномора отнимать невесту.

– Не бойся, Алена. Если с братцами мы разминемся, так я и один Черномору шею сверну, пусть только попробует мне Лебедушку мою не расколдовать, – в глазах Алеша блеснул такой бесшабашный задор, что Алена невольно вспомнила все предостережения Бубы.

Заявив, что знает короткую дорогу в заморский Ново-град, Алеша направил коней в сторону от моря. Дремучий лес не кончался довольно долго. Потом, почему-то, вместо оловянных гор появились ровные квадратики полей и аккуратные домики с островерхими черепичными крышами.

– Что-то мы, Алёнушка, промазали, – нахмурился Алеша. – Надобно левее заворачивать.

Они завернули левее, и, через некоторое время под копытами коней замелькали мазанки с соломенными крышами среди широких полей и цветущих садов. Потом кончились поля и сады и потянулась пустынная местность.

– Ох, еще левее надо, Алёнушка, – закричал Алеша. Лицо его приобрело зелено-ватоземлистый оттенок.

– Тпруу! Стоять! – закричала Алена. Ей показалось, что Алеша сейчас рухнет вниз.

Кони еще только коснулись копытами красной каменистой почвы, а богатырь уже соскочил с коня и бросился за ближайшие жиденькие кусты. Судя по долетевшим до Алены звукам, вчерашнее вино пыталось выйти обратно. И небезуспешно. Алена тактично отвернулась и стала рассматривать окрестности. Справа, насколько хватает глаз, простиралась ковыльная степь. Где-то вдалеке к небу вился одинокий дымок. Слева над ними возвышались крутые горные кряжи. Редкая трава пробивалась сквозь красноватую, глинистую почву. Чуть в стороне журчала речка. Лошади жадно пили из нее воду. Только сейчас Алена заметила, как животные устали. Они тяжело поводили боками, с губ Черной падали пенные хлопья.

«Сколько же мы скакали? – Выехали на рассвете, а сейчас солнце уже почти в зените...»

– Да уж, дал я маху, Алёнушка, – вздохнул Алеша. Он умылся в реке и окончательно ожил. – Вот ведь учудил-то я с похмельица. Долго мы скакали не в ту сторону. Раньше я таких краев не видывал.

Он оглядел окрестности с довольным, хотя и несколько обескураженным видом.

– Не видывал?! – Алена задохнулась от возмущения. – А сам говорил... Да мы же заблудились!

– Ага, – богатырь улыбнулся радостно, как ребенок, и нахлобучил на мокрые кудри шлем. – Заблудились, Алёнушка! – и он чуть было не подхватил ее от избытка чувств на руки. Впрочем, натолкнувшись на строгий взгляд, потупился и виновато пожал плечами.

– Не вижу причин для веселья, – холодно произнесла Алена. – Что нам теперь делать? Одним? В совершенно незнакомой стране?

– Что ли ты боишься, Алёнушка? – удивленно наклонил голову Алеша. – Так тебе со мной бояться нечего. Коли надо, я любому ворогу... – богатырь подбоченился, с вызовом оглядел окрестности, и, сложив ладони рупором, зычно крикнул: – Эге-ге-гей!..

Горное эхо подхватило крик, многократно повторив его. Над каменными кряжами взмыли и закружились большие птицы. Мурашки побежали у Алены по коже.

– Что-то мне, Алеша все же боязно. Лучше мы поедем потихонечку, – она схватила богатыря за рукав и потянула к лошадям.

– Да куда же ехать нам, Алёнушка? Ведь вокруг места все незнакомые. Тут дорогу спрашивать надобно. Вон, дымок в поле вьется. Не жилье ли там?

– Нет! – взвизгнула Алена, моментально представив, с кем они могут там встретиться. – Ты лучше подумай головой. Степи и болота мы проехали. На лесах забрали сильно к северу и стали влево, к югу поворачивать. Значит это горы Оловянные. Мне про них и леший рассказывал. Если поедем вдоль них, выберемся к морю.

– Это горы, да не Оловянные, – нахмурился Алеша. – Ты смотри, вон здесь и глина красная. И вода в реке со ржавым привкусом... Видом эти горы я не видывал. Я про них лишь слухом слыхивал. Это видно горы все Железные. Может, вот она – река Смородина. Про нее мне Добрыня рассказывал. Он тут бился со Змеем Горынычем.

– Так чего же мы стоим тогда? Поехали! – Алена еще усерднее потянула богатыря к лошадям.

– К Змею Горынычу? – удивленно поднял брови Алеша Попович.

– Да ты что?! Не к нему, а к морю Черному! Мимо гор Железных, мимо Медных гор. А потом будут горы Оловянные. Да не стой столбом, подсади меня!

– А откуда ты знаешь дорогу? – растеряно спросил богатырь, подсаживая ее в седло.

– Сказки, блин, читала. Поехали! – и она ударила Черную пятками в бока.

Пройдя галопом бок о бок шагов сто, они, дав лошадам плетей, перешли на богатырский скок.

«Если это и правда Железные горы, – рассуждала про себя Алена, – и если сказки не врут, то мы, таки, доберемся до Оловянных гор... А из какой это сказки, кстати? Оловянные, Медные, Железные горы... Это же дорога к царству Кощея! Тогда при чем тут Змей Горынович? Если у них тут другая география, то, мы еще сильнее заблудимся...».

Они скакали над широкой степью, держа горную гряду все время справа. Горы постепенно меняли свой вид. Становились менее отвесными и обрывистыми. Вместо голого камня и красной глины появилась черная почва. На склонах зазеленела растительность, и вскоре все горы уже были покрыты густым хвойным лесом. Пространство слева стало не таким безлюдным, как раньше. Встречались редкие жилища и распаханное поле.

Алеша всматривался в окружающий пейзаж особенно внимательно и морщил лоб, словно пытаясь что-то припомнить.

– Ты права была, все сходится, Алёнушка! – радостно вскричал он вдруг, и чуть не свалился с коня, попытавшись одобрительно хлопнуть ее по плечу. – Это ведь и вправду горы Медные. Мне про них Добрыня рассказывал.

«Выходит, зная русские сказки, в этом мире вполне можно ориентироваться. Можно, но осторожно. Отличий тоже много. Руслан не женился на Людмиле, и Дунай с Добрыней Никитичем не подрались при первой встрече, как в былине. Хотя, могли бы, наверное, если бы не Илья Муромец... Впрочем, он и в былине их помирил! Надо вспомнить, что я знаю про Черномора. В бороде вся его сила... Откуда, интересно, Пушкин этого Черномора взял? Есть где-нибудь в народных сказках такой персонаж? Что-то не припомню».

Из задумчивости Алёну вывел радостный вопль Алеши:

– Море!

Синяя полоска на горизонте, впрочем, почти сразу скрылась из виду – лошади уже шли на снижение, чтобы потом снова оттолкнуться от земли. Горы стали менее высокими, похожими скорее на большие холмы. На пологих склонах росли в основном лиственные деревья, и у подножий прилепились домишки.

– А это горы Оловянные, – соловьем разливался Алёша Попович. Он, наконец, перестал нервно оглядываться, и сориентировался. – Люди тут живут мастеровитые. Добывают из-под гор свинец да олово. Продают-то всем соседям за денежки.

Море тем временем оказалось совсем рядом. Они дружно натянули поводья, и лошади, прыгнув на прибрежный песочек, перешли на галоп, а потом и на шаг.

– Скоро уж и царство Черноморово. До заката будем в Новом городе.

– Что это за город? – спросила Алёна. – Если страна заморская, откуда же здесь Новгород?

– Да совсем не тот это Новгород, где живет Омелфа Тимофеевна, матушка Добрыни Никитича. Это Новоград заморский, белокаменный, называемый по-ихнему Неаполем.

Глава 6

Что город, то нор, что деревня, то обычай.

Русская народная пословица

В город они приехали уже поздним вечером и поэтому решили сперва переночевать где-нибудь, осмотреться, и лишь потом нанести визит Черномору. У Алёны все не шла из головы характеристика, данная колдуну Бубой: «свои его боятся, а соседи опасаются». Ночевать решили на постоялом дворе «Папа Карло», благо прямо из его окон открывался прекрасный вид на нависшую над морем громаду Черноморова белокаменного замка. Ужинали долго и обстоятельно. Правда, матросы, сидевшие за соседними пятью столиками, на взгляд выпившего «для аппетита» кувшин местного вина Алеши, говорили слишком громко. И он вежливо попросил их вести себя потише.

Когда Алёна заплатила трактирщику за битую посуду и четыре сломанных стула, они смогли спокойно, в тишине, доест свой ужин. Однако через полчаса в кабаке заглянули какие-то рослые небритые типы с бегающими глазами. Типов было немного, но в руках они держали неприятного вида дубины и стилеты. В результате Алёне пришлось заплатить трактирщику еще за семь сломанных стульев, за три стола и за пролом в северной стене.

Они уже совсем собрались идти спать, но в трактир заглянули четверо – подслеповатый усатый толстячок с золотой цепью до пупа и с ним трое парней, ростом с Алёшу, только малость пошире в плечах. Алёша, устало вздохнув, снова приподнялся со стула, но кабатчик стал так причитать, умоляя не разорять его, что Алёна решила сперва сама поговорить с нагрывшимися гостями. Как ни странно, толстяк понимал русский язык, хотя и безбожно его коверкал. Узнав, что сеньорита Елена с братом приехали в гости к Черномору, он стал очень любезен, купил для Алеши еще кувшин вина, и, подсев к ним за столик долго рассказывал «уважаемым гостям»

о своей нелегкой жизни. Звали толстячка сеньор Базилио. Он утверждал, что является крестным отцом для жителей всех прибрежных кварталов и следит за порядком на вверенной ему территории, добровольно помогая, таким образом, городской страже.

Под конец беседы сеньор Базилио так расчувствовался, что даже прослезился. Когда он наконец ушел, наступила долгожданная тишина, по крайней мере, в соседних с трактиром кварталах, и Алеша с Аленой отправились в свои комнаты спать.

Поутру Алеша подступил к трактирщику с вопросами:

– Ну а что, до нас таких, как я здесь не было? Где-то дня за два, за три до этого? Отвечай, трактирщик мне по-честному!

Трактирщик Карло вздрогнул, и перекрестился. Он на русском языке говорил подозрительно хорошо.

– Так не сезон еще для торговли. Вы первые приехали.

– Видно задержались братцы по какой-то надобности, – Алеша Попович задумался на секунду, но потом решительно махнул рукой. – А и ладно... Трактирщик, стереги коней. Насыпай им овса полны ясельки. Не давай никому к коням притронуться. А мы пойдем к Черномору в гости.

На гору, к замку вела неширокая дорожка, больше похожая на тропу. Перед самыми воротами через глубокий ров был переброшен ажурный каменный мостик. Когда они добрались до окованных железом дубовых ворот, Алеша замешкался, переводя дух, и поправил парадную шапку. Потом одернул красную, расшитую золотом, шелковую рубаху. Раскрасневшийся от волнения он выглядел, как настоящий жених. Еще раз поправив пояс, Алеша вежливо постучал в ворота кулаком. Через пару секунд ворота скрипучим голосом произнесли:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.